

A photograph of a city square. In the foreground, there is a large, circular, reddish-brown stone fountain with water spraying upwards. The ground is paved with grey bricks. In the background, there are green trees, a blue sky with light clouds, and a church spire with a golden dome. A few cars are parked in the distance, and a person is standing near the fountain.

АНДРЕЙ ЮДИН

ТРИ ДНЯ В РОДНОМ ГОРОДЕ

ПОВЕСТИ

Андрей Валерьевич Юдин

Три дня в родном городе. Повести

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=33392598

ISBN 9785449083395

Аннотация

В книге представлен мир нашего современника. Динамичный сюжет, полный неожиданных поворотов, встреч и расставаний, ловушек и поисков выхода из них. Это раздумья о том, как трудно найти человеку смысл своего существования, о том, что рано или поздно перед каждым из нас встанет вопрос выбора. Первая повесть «Пусто-пусто» рассказывает о молодом человеке, который достиг возраста Христа и впервые всерьез задумался о жизни, вторая – «Три дня в родном городе» – напоминает о том, что все мы родом из детства.

Содержание

Пусто-пусто	5
Глава первая	5
ГЛАВА вторая	24
Глава третья	39
Глава четвертая	61
Глава пятая	88
Глава шестая	99
Конец ознакомительного фрагмента.	100

Три дня в родном городе

Повести

Андрей Валерьевич Юдин

© Андрей Валерьевич Юдин, 2018

ISBN 978-5-4490-8339-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пусто-пусто (мужской роман)

Глава первая

Меня женщины не любят. В этом корень всех моих бед. Такие грустные мысли не раз приходили мне в голову, и я гнал их прочь. Гнал, а они все равно возвращались. Через мозг, не через другое место. Наверно, я все же умный. Но если умный, то почему не богатый? А если не слишком умный, то почему так часто размышляю над всякой хренью? Или наоборот важными вещами. Себя препарирую и изучаю, как энтомолог жучка какого-нибудь. Только я сам себя высушил и на иголочку наколол. Бр-р-р, бред какой. Лучше уж о женщинах помечтать. Хотя если о них думать, то ни к чему хорошему это не приведет. Замкнутый круг какой-то.

Вот так я лежал на диване и размышлял, глядя в потолок. Потолок был в разводах, и живи тут женщина, она, наверняка, намекала бы, что потолок нуждается в побелке. Значит, есть в моем холостом существовании и плюсы. Тем более что диван был хоть старый и продавленный, но продавленный под изгибы моего тела. И поскольку он служил мне спальным местом, а под головой у меня лежала целая груда

подушек, мне было вполне тепло и уютно. И если б не эти дурацкие мысли, которые постоянно отравляли мне настроение... В общем, телу было хорошо, а душе не очень. Хотя и телу могло быть гораздо лучше.... Вот такие пироги. Короче, нет в природе совершенства.

– Борис! – прозвучало из-за двери, – Ты обещал за квартиру заплатить. Давай, отрывайся от кровати.

Блин... Маман. Достанет мертвого, докричится до глухого. Конец расслабухе. Ох, жизнь моя поганка. А может жестянка.

Ладно. Сделаем паузу. Вдохнем воздуха. Затхло. Надо бы окно открыть, но там зима. Сырая, мокрая. Но зима. Подождем апреля. А в паузе немного о себе. Итак, зовут меня Борис, и мне 33 года. Возраст Христа. А еще Илья Муромец 33 года сиднем сидел в своем Карачарове. И я так сижу. Точнее живу. В этой большой захламленной квартире с маман вдвоем. Вернее, стараюсь жить в своей комнате. Мне здесь хорошо, уютно, и выхожу я отсюда только по причине простой человеческой нужды. Ну, поесть там и все такое прочее.

А зовут меня Борисом или Борей. Маман называет меня Борисом, и слава Богу. Быть Борей вообще свыше моих сил. Это диагноз. Хотя я в этом совсем не виноват. Но опять эти комплексы... Правда, что ли к психиатру сходить? Маман мне периодически это советует. Она сама врач. Называется врач-лаборант. Сидит в лаборатории и в человеческих экс-

крементах ковыряется. Хотя она не любит, когда я ей советую лучше в гавне ковыряться, а не в моих мозгах и утверждает, что занимается вовсе не этим. В любом случае, лечит она только меня.

– Бориссс!!!!!!!!!! – опять за дверью и все громче. Мда, ну и имечко. Даже и не знаю, с чем сравнить. Я где-то еще в школе прочитал, что человек с именем Борис не может быть счастливым. Потом увидел, что книжка издана в 1916 году и с тех пор все изменилось. Но комплекс-то остался.

Вообще, квартира принадлежит деду. Но он практически здесь не бывает. Живет на даче. Там мелькают какие-то женщины в непонятном статусе. Деду скоро восемьдесят, он похоронил трех жен... Впрочем, одна ушла от него сама и, если кто-то хоронил ее, то вроде как не он. Деда зовут Виктор Борисович и меня назвали в честь его отца – моего прадеда. Тот был сначала купцом, потом нэпманом, потом чиновником. А дед стал ученым – философом, и смотрит на мир философски-пофигистично. Правда, периодически он вспоминает, что читает лекции в университете и начинает всех учить, хотя и не с такой периодичностью как маман. Вижу я его реже, да и часть своих сил он тратит на студентов и аспирантов. А может и аспиранток. Черт его знает. Сил-то у него хватает, несмотря на возраст. Я до такого точно не дотяну.

– Борис, ты можешь оторвать свой зад? – маман нервничает, но в комнату не заходит. Профессорское воспитание

все же. А вдруг я мастурбирую?

Но это не так. Я просто лежу в старых тренировочных штанах и футболке с надписью на нерусском языке. Руки у меня за головой, и я просто смотрю в потолок.

Так, на чем я остановился? На себе? Или? Теряю нить, точно к врачу пора. Может к сексологу? Приду и скажу: «Доктор, меня женщины не любят». А если доктор – женщина? Так, стоп, хватит фантазий. Сила воли есть, могу остановиться (замечаю с гордостью). Тем более, маман за стеной ходит.

Я был умным и скромным мальчиком. В меру скромным, и родители гордились мной. И папа гордился, но о нем позже. Много читал и старался меньше сталкиваться с неприглядными сторонами жизни. Но когда закончил школу, то поступил туда, куда шли многие из неопределившихся. Ну, не в армию же идти. Короче, из вузовских стен я вышел инженером-строителем, не особо, впрочем, разбиравшимся в азах своей профессии. В армию так и не пошел, все же маман у меня врач, поработал в одной конторе, в другой, покрутился на стройке в качестве мастера. А лет пять назад пристроился по совету одного моего однокурсника на работу то ли сезонную, то ли периодическую. В общем, когда где-то что-то начинают строить, набирают людей на период строительства – от прораба до каменщика. Я до прораба, кстати, уже почти дорос. Стройка идет, мы пашем. Закончилась – проедаем деньги. Сейчас вот такой период. Работы

нет. Деньги, впрочем, тоже почти закончились. Ждем у моря погоды. Чувствую, до весны будем ждать.

А впрочем, не люблю про работу. И работать не люблю. Так что, пора отрывать грустную задницу.

– Сейчас, мам, – миролюбиво максимально, – Пять минут.

Встаю, встаю... Оторвался от мягкого дивана, ноги в тапки. Для начала подойду к окну, посмотрю, что там. Отодвинул занавеску, ковырнул пальцем старую полопавшуюся краску. А за окном – ничего. Вернее, пустой двор. Вид с четвертого этажа. Все в грязи, серый залежавшийся снег, грязные проплешины асфальта. Никого и ничего. Что ж, пойду одеваться и туда.

Комната у меня довольно большая. Сталинка с высокими потолками. Мебель тоже старая, но я ее люблю – уютно жутко. Старый шкаф с резными дверцами, старый письменный стол, старое кресло. Из нового – плазма на стене, да ноут на столе. Большой такой, серебристый. Походя погладил его крышку, подошел к шкафу. Вот одеваться хорошо я люблю. Вернее, функционально. Джинсы, свитер в синюю полоску, теплый такой. Подошел, посмотрел на отражение в зеркало. Нормальный парень, волосы темно-русые набок ложатся хорошо, и причесываться не надо. Вот только взгляд грустный. Это, наверно, потому что нос длинный. Он точно унылый и из-за этого я и сам таким кажусь. Или все наоборот? Нет, хватит в очередной замкнутый круг заходить, не выберешься. В общем, пошел я в мир. Вот с такими мыслями толкнул

дверь в коридор.

Маман уже ждала. Стоит в халате, губки поджала. Врач, а взгляд, как у учительницы.

– Борис, надо за квартиру заплатить. До десятого, а сегодня уже девятое.

Блин, а почему я?

– Так, а почему я? – это уже вслух.

– Ты обещал, – маман сердится, – И потом я работаю, готовлю, убираю, стираю, а ты целыми днями дома.

С этим можно и поспорить, не целыми днями... Впрочем, понимаю, что аргументов у меня в этом споре будет немного, поэтому просто протягиваю руку и беру деньги – тысячи, сотни, мелочь, кидаю, смяв, в карман куртки. Потом туда же квитанцию, ее не мну, просто всовываю длинной трубочкой. Жду продолжения разговора о том, что мог бы и сам заплатить, но продолжения не следует, может и правда некогда. Одеваю куртку, затягиваю под горло молнию, потом сажусь на пуфик, зашнуровываю ботинки. Они такие классные, высокие, рыжие, и главное не пропускают никакую сырость. Даже настроение повышают. Ну и вперед. Второй прыжок. На этот раз в подъезд.

Длинная широкая лестница. Большие пролеты, обитые дерматином или металлические двери. В подъезде никого и это хорошо. Так что преодолел и этот барьер. И вперед, посредством домофонной кнопки во двор. Там все, как я и представлял – сыро, зябко, но в то же время можно и вдох-

нуть полной грудью. Вдохнул, натянул капюшон на голову и дальше.

Проходя через двор, поднял голову на дом. Мрачная громада пятиэтажной сталинки нависала надо мной. А может просто серая погода так действовала. И дом тут вовсе не при чем? Я здесь живу с рождения, был какой-то короткий период, когда мать с отцом уходили, пытались жить отдельно, но помню я тот период очень туманно. А потом отец ушел, и мы вернулись сюда. В общем, другой жизни – вне – у меня и не было. Вот этот двор, ограниченный забором, который переживал разные периоды – от хилого штакетника до солидного краснокирпичного забора. Сейчас двор огорожен красивым металлическим. Внутри полно машин, много квартир сменили своих хозяев. Въехали новые богатенькие, и я их даже не знаю. Но остались и прежние кадры. Вон, у самого выхода один из них.

– Борь, пятьдесят рублей не одолжишь? – это Леха Маслов. Он на пару лет старше меня и в школьные годы глядел сквозь меня, жил через подъезд. Сейчас конченный алкаш. Пятьдесят рублей из своего скромного бюджета я выкроить могу, но Лехе давать недостающие рубли на выпивку не собираюсь. Выглядит он совсем плохо. Вроде и одет нормально, но глаза красные, нос сизый, руки трясутся, да и сам весь скочевряжившийся, сжавшийся, как от холода. На улице и, правда, не тепло, но не так же. Короче, можно ему не тридцать пять дать, а все сорок пять.

Но это Леха и у него своя судьба. У меня своя. Я делаю крюк, чтоб обогнуть его и нечаянно не прикоснуться, еще глубже прячу руки в карманы.

– Не, Леха, лишних нет. Извини, – бросаю на ходу, и тут во внутреннем кармане курки бренчит мобильник. Удивительное рядом – забыл уже, когда заряжал и сую руку за пазуху. У кого айфон, а у меня «Нокия». Достая, и удивляюсь еще больше: отец. Вот уж кого не ожидал услышать:

– Да.

– Здравствуй, Борис Сергеевич, – слышу глуховатый голос, почти лишенный интонаций.

– Привет.

Отец. Классный мужик. Звонит раз в пятилетку. Жить не мешает принципиально. Ушел от маман, когда мне было лет семь. Первое время часто приходил, гулял со мной, дарил шоколадки. Потом началась новая жизнь, когда родители нужны все меньше, у меня. Потом у него. Женился. Потом снова развелся. Живет один в однокомнатной хрущевке на окраине города. Недавно вышел на пенсию, считает, что все у него хорошо, ни на что не претендует, никуда не лезет. Иногда позванивает.

– Как жизнь молодая?

– Нормально, лучше всех. Ты как?

Пауза.

– Борь, заедь как-нибудь на досуге. Выберешь время?

Неожиданно. Отец никогда (или почти никогда) никого

ни о чем не просит. Принцип у него такой. Не навязывается, не унижается. Впрочем, в просьбе заехать нет ничего такого уж унижительного. По крайней мере, с моей точки зрения.

– Хорошо, не вопрос. Когда?

– Да как сможешь... Я ждать буду.

Странные нотки.

– Конечно, пап. Обязательно.

– Ну, будь здоров. Не кашляй.

– И тебе того же...

Отбой. А я продолжаю путь по слякоти. Да недалеко тут, квартал какой-то. Вот пришел. Как всегда бабушки какие-то, дедушек почему-то нет. Очередь. Впрочем, движется быстро. Все равно жарко, противно, неудобно. Две вещи терпеть не могу – очереди и бумажки всякие официальные. Впрочем, это одно и то же – бюрократия. «Я волком бы выгрыз бюрократизм...». Хорошо, что маман заполнила квитанцию. Так, сдачу серебряную в карман – пригодится, квитанцию в другой – не потерять бы.

Разворачиваюсь и получаю тычок в плечо. И голос: – Боб, привет! Что ж, это Сашка Крупский, мой однокурсник. Пальто нараспашку, пиджак с галстуком. Рубашка белая. Вот, если честно, такие красивые мне просто как враги классовые. Офисный планктон, блин... Какая бы рыба его сожрала и не подавилась. Делаю вид, что рад.

– Привет, Саня, ты, что здесь делаешь?

– Не поверишь, штраф гаишный оплачиваю, за превы-

шение, – улыбка на Сашкином лице цепляется кончиками за уши. Правда, что ли рад?

– Рад тебя видеть, – говорит он, – А ты?

– Тоже плачу. Уплатил.

– А я щас, минутку подожди.

Я стою и жду. Саня – хороший парень, но я его не видел лет десять и несколько не жалел. Забыл просто, что был такой. Когда-то не раз мы с ним гуляли вместе, в веселой компании, потом я шел домой, а он к очередной даме, или оставался с ней. Зачем мне такое помнить?

Саня вышел, действительно, быстро. Я оглядел его еще раз – первое впечатление не обманывало, пальто, пиджак, белоснежная рубашка, галстук. Светлые волосы, правда, начали прилично редеть, зато улыбка, как в Голливуде.

– Сто лет тебя не видел, ты чем занимаешься?

– Строим понемножку. Дома, себя... – я пожал плечами. –

А ты?

– Я в банке. «Стройбанк».

– Ну и как там? Ничего?

– Нормально. Слушай, Боб, мне ехать надо, но давай вечером пересечемся, поговорим, вспомним.

Я опять пожал плечами.

– Садись, подброшу, – сказал Крупский, кивнув в сторону синего «лансера», приткнувшегося к самому крыльцу. – Да и стоять здесь нельзя.

Он засмеялся

– Нам? – я недоуменно оглянулся.

– Машине, – Сашка засмеялся.

– Нет, дойду, мне рядом.

– Ладно, диктуй телефон – я позвоню.

Цифры я назвал – куда деваться. Сашка забил их в свой андроид, или как его там, и мы разбежались. Вернее, он уехал, а я поплелся домой.

Дома ждала маман. Взгляд, как у следователя.

– Заплатил?

– Конечно, – ответил я, повесил куртку на вешалку, и пошел в комнату, чтобы не услышать продолжение допроса.

Напрасно.

– Что еще?

Да, взгляд – рентген.

– Отец звонил. Просил зайти.

– Да-а-а-а... И что хотел?

– Я ж говорю: просил зайти.

Я пытаюсь зайти к себе в комнату, но не тут-то было.

– Подожди, я с тобой разговариваю!

Стою. Жду.

– Так чего он хотел?

Вот, елки..., расстались двадцать пять лет как, а ее все его телодвижения интересуют.

– Спрашивал как жизнь. Говорил, чтоб зашел.

– И все? – взгляд недоверчивый.

– Абсолютно.

– Ну ладно, иди.

Я пошел. Зашел в комнату, дверь плотно прикрыл. Разделся. Посидел на диване, потом тихо вышел, стараясь не беспокоить маман, помыл руки. Привычка у меня такая с детства – руки после улицы мыть. Жить можно и в хламе, а вот руки и помыслы должны быть чистыми. Хотя насчет помыслов на все сто не уверен... Потом шмыгнул назад. Все. Теперь можно расслабиться окончательно. Откинул крышку ноута. Полазил по инету, посмотрел новости. Ничего в мире хорошего нет. И погода тоже на ближайшую неделю не радуется. Крышку закрыл и подошел к книжным полкам. Вот книжки читать я люблю. Лучше почитать книжку, чем тупо смотреть какой-то фильм. Спасибо деду, он еще в советские времена собрал классную библиотеку, причем не из одних красивых собраний классиков, но и из массы самых разных интересных вещей. Я перетащил кучу книг себе. Полки у меня всего четыре, зато сверху всего навалено. Вот и теперь достал книжку из серии «Советский детектив» и завалился на диван. Сейчас читаю про какого-нибудь майора Пронина.

Вот под этого самого майора я и заснул. Сквозь сон слышал, как маман звала есть, но даже глаза не открыл. В конце концов, она замолчала, и я опять провалился. Когда открыл глаза – за окном было почти темно. И тут затренькал мобильный. Во, блин, говорят, андроиды всякие надо заряжать каждый день, а моя «старушка» и есть не просит. Почти как я.

В полутьме нащупал кнопку:

– Да. Слушаю.

– Боб, это Крупский.

– А... привет, Крупа.

– Ну что, посидим сегодня? Не передумал.

– Да нет вроде, – вру, я толком об этом и не думал.

– Ты там же обитаешь?

– Ну да, а где ж мне быть?

– Там возле тебя кабачок один ест, «Зюйд-вест» называется. Знаешь?

– Нет.

– Блин, ну бывший «Коралл». Помнишь?

Конечно, помню. В «Коралле» – странном заведении, то ли рюмочной, то ли пивнушке мы и, правда, не раз посиживали после занятий. Такая, если честно, клоака была. Но от моего дома недалеко, если через дворы, то вообще минут семь хода.

– Помню и что?

– Там сейчас очень приличное место. Давай к семи подгребай.

– А сейчас сколько? – я пытаюсь сориентироваться.

– Пять без пяти. Давай, Боб. Увидимся.

Вот сдался мне этот Крупа. Тащиться куда-то по слякоти. Хотя, с другой стороны, хоть какое разнообразие.

Я встал, доковылял до кухни. Хотелось есть, нашел в холодильнике сыр, взял хлеб. Съел это кулинарное творение,

благо чай на плите был еще теплый. Маман куда-то свалила видно совсем недавно. Никак я ее график работы не пойму.

Посидел еще немного на кухне. За окном было уже совсем темно. Размышлял. Вообще это мое любимое занятие, если мысль не слишком ускользает. Вспомнил времена, когда несколько месяцев был женат. Впрочем, женат был почти год – все никак руки не доходили развестись. А жили мы с Наташей в моей комнате от силы пару-тройку месяцев, ну примерно месяц до свадьбы и два после. Я был сыт, в том числе и сексуально, но все равно невесел. Или весел? Первые дни, может неделю. А почему? Нет, размышлизмы сегодня – не моя сильная сторона. Я взглянул на часы. Время приближалось к шести. За окном поднялся ветер, угрюмые ветви бросали тени на торец дома напротив и зловеще шевелили огромными черными клешнями.

Я вздохнул, сполоснул чашку, поставил ее в шкафчик и побрел к себе в комнату, собираться в кабак.

Впрочем, что мне собираться? Я ж не девица перед первым свиданием. Тем более времени еще достаточно. Я побродил еще немного по комнате, потом не спеша оделся. Те же джинсы, тот же свитер, потом та же куртка. И на холодную улицу. Бр-р-р...

До «Зюйд-веста» или как его там, я и вправду добрался очень быстро. Вышел из двора, пересек улицу, прошел через темный двор с редкими фонарями, вышел на другую улицу, и опять перешел дорогу. «Зюйд-вест» находился в полупод-

вальчике здания, стоящего в глубине улицы, за маленьким сквериком. Я зашел и огляделся. Да, здесь очень все изменилось. Антураж был вполне морской, висели мачты, канаты и прочие морские причиндалы. Стало, кстати, вполне уютно. Я прошел в зальчик, оглянулся – Крупы не было, что неудивительно, я, конечно, пришел раньше. Столик, выбранный мной, тоже был вполне уютен – такой запрятанный в глубине уголок. Я повесил куртку на вешалку и огляделся – народу было немного: две или три парочки, компания в дальнем углу. Официант появился передо мной неслышно – положил меню и удалился.

Но познакомиться с книжицей в коричневой коже я не успел – вслед за официантом передо мной возникли сразу двое – Крупа и...

– Ну вот, знакомьтесь господа, Борис Сперанский и Дмитрий Крутиков, – заржал Сашка.

Блин, ну это ж Димка Крутиков, как я его сразу не узнал. Такой покруглевший, в тонких очках, с маленькой бородкой. Изменился, конечно, но не настолько. Тоже однокурсник.

– Привет, мужики.

Поздоровались, устроились. Правда, пока какая-то неловкость чувствовалась. Вроде сто лет знакомы, но прошло уж пятьдесят точно. Шутка. На самом деле лет десять.

Сашка паузу, впрочем, прервал быстро:– Официант!!!

Официант, похожий на внезапно похудевшего пингвина, материализовался моментально, как из воздуха. Положил

меню. Оно оказалось неожиданно весьма разнообразным, но я не стал искать себя среди морепродуктов.

– Давайте-ка по простому. Картошки жареной с какой-нибудь котлетой, по салатику и водочки.

Сашка с Димкой переглянулись, засмеялись, но спорить не стали. Видно, я их если и огорошил, то несильно. Только Сашка вслед официанту еще и попросил соленостей. В общем, почти все как в былые годы.

Пока водку не принесли, разговор клеился не особо. Что-то пытались вспоминать, над чем-то смеялись, но это было малость натянуто. Но уже первая рюмка мосты наладила. Оказалось, что и Крупский и Крутиков работают в банках, причем разных. Крупа получил еще и экономическое образование, хотя особо на его положение и отличие от Крутя это не повлияло. Так что, ребята стояли на одной ступеньке банковской иерархической лестницы. Оба были женаты. Сказать, что сильно дружили и постоянно проводили время вместе, дружили, так сказать, домами, было бы преувеличением. Но созванивались регулярно, а периодически и выбирались куда-то совместно. Не часто, раз так в полгода.

– Боб, а ты-то что не женат? – это после третьей.

– А вы что не знаете, женщины меня не любят.

Они заржали практически синхронно.

– Боб, ты чудило, – наконец сказал Сашка, засунув в рот дольку соленого помидора. Зеленого, такого как я люблю.

– Да не, я ж был женат, а теперь что – жилья нет, денег нет.

Кому нужен мужик без денег и хаты? – из меня текла чистая откровенность, почему-то принимаемая многими за стеб.

– Погоди-погоди, – Димка предостерегающе поднял палец, – Давай разберемся.

– В чем, Димон? Давайте лучше выпьем.

– В тебе. Надо разобраться, где причина, где следствие.

Проигнорировали мое предложение.

– На фига?

– Молчи, Боб. Димка дело говорит, – включился Сашка.

– Ну давайте, разбирайтесь, – я откинулся на спинку и устроился поудобнее, – Буду внимать.

– Пойми, Боб, это ненормально, – начал, а точнее продолжил Димка, – Ты парень видный, умный, все бабы должны на тебя бросаться...

– Стой, – перебил его Сашка, – Не с того конца начал...

– С конца не того, – попытался сыронизировать я, но Сашка будто не заметил:

– Почему у тебя ни хрена нет? И машины, кстати, тоже...

– Потому что пешком люблю ходить...

– Нет, не поэтому. Потому что ты ничего не хочешь, тебя все устраивает.

– Пусть так. Ну и хрен с того. Мне геморя лишнего не надо, прогибаться перед гаишниками не хочу, дрожать за железку, чтоб никто не стукнул, меня никто не стукнул. А задавлю кого? Что на «теплые» нары? – я понемногу начал заводиться.

– Ну, если так рассуждать, то можно ложиться и помирать, – Димка развел руками.

– Или наоборот жить, как хочу.

– Не, это не жизнь, – Сашка потянулся за бутылкой, – Давайте лучше выпьем. За жизнь.

Против этого я возражать не стал. Но дальнейшие разговоры помню тяжеловато. Что-то еще доказывали. Мужики твердо обещали взять надо мной шефство, а я начинал глупо ржать.

Потом мужики стали вызывать такси, и мы вывалились в предбанник. Там стояла красивая (а может было много водки) девушка. Алкоголь вообще придает мне несвойственную в остальное время смелость, и я направился прямо к ней.

– Учитесь, – бросил я на ходу.

– Здравствуйте, девушка, – вежливо сказал я, стараясь шататься, как можно меньше. – А можно с вами познакомиться?

– Нет, – платиновая блондинка отстранилась от моей фигуры, уже тянувшейся к ней губами.

Вдруг сзади кто-то схватил меня за плечо. Я резко развернулся, едва не упав. Зрение внезапно прояснилось. Высокий курчавый парень зловеще тянул ко мне свое лицо, явно не с целью поцеловать:

– Это моя девушка, не видишь?

– Нет. Где написано?

– Так, вали отсюда, – парень видно взял себя в руки и про-

шел мимо меня к своей даме.

– Если написано, перепишем, – я решил идти напролом.

– Так, Боб, хватит, – мои друзья вмешались в наш краткий диалог.

– Что хватит? Давайте, помогайте мне, если друзьяяяяяя..., – тут они схватили и потащили меня прочь из кабака.

Несмотря на все протесты, парни посадили меня в такси, и мы сделали приличный круг, прежде чем затормозить у моего дома.

– Доберешься? – раздалось из машины.

– Да идите, вы... – я махнул рукой и побрел прочь.

– Нет уж, мы за тебя в ответе, – полетело вслед.

Во дворе я долго сидел на скамейке, пока не замерз и почти протрезвел. Но в голове было пусто. Тогда я встал и пошел домой.

ГЛАВА вторая

Утро началось поздно. Оно было пасмурным, но хоть сухим – без дождя. За занавесками чернели зловещие силуэты облетевших деревьев. Сухо было и у меня во рту. Нет, сухо – это не то слово. Там словно кошки нагадили. Голова была пустая и тупая, но хоть не болела. И на том – спасибо, бухло качественное все же в этом «Зюйде...». Вспоминать о вчерашнем все равно не хотелось. Хотелось пить. Я встал, по пути глянув на часы. Одиннадцать. Ну, не смертельно. Маман стояла возле плиты.

– А ты чего дома?

– Это что – вместо доброго утра? – Она нахмурилась.

– Кому доброе, – пробормотал я, а вслух сказал: – Ага, доброе...

– То-то. Ты где вчера наклюкался?

– Нормально. Вроде не блевал нигде.

– Этого мне не хватало. Денег у тебя нет вечно. А как нахаться, так на это находится...

Вообще-то это клевета. Не так часто я напиваюсь. Не слишком люблю это дело. Вкус алкоголя с детства не нравится. Однако ж в нашей стране иногда приходится. То на работе с работягами, то от тоски. Что, в общем, почти одно и то же. А после третьей вкус почти не чувствуется. Вся водка становится вкусной.

– С друзьями. Они платили.

Наконец-то я добрался до воды, налил себе чашку, выпил ее, потом вторую.

– Что за друзья-то?

– Однокурсники. А ты-то чего дома?

– Суббота сегодня. Тебе-то что – у тебя вечный выходной.

– Я работаю.

– Ага. Три месяца. А потом за два прогуливаешь. Это работа?

Я пожимаю плечами и быстро возвращаюсь к себе в комнату. Ибо разговор этот мог тянуться бесконечно, а мои аргументы сводились лишь к тому, что иногда я работаю почти полгода. Другой аргумент о том, что деньги у меня какие-то еще есть, я предпочитаю не приводить. По большому счету без заначки жить вообще невозможно. Вообще-то для отвода глаз я даю маман часть своих заработков на пропитание, но чувствую, что они тоже быстро заканчиваются. С другой стороны, на улицу меня не выгоняют и в краюхе хлеба не отказывают.

Я включил компьютер. Но он меня не порадовал – значок интернета был перечеркнут крестиком. Не заплатил и вот результат. Но платить совсем не хотелось. Вид из окна не радовал – почти голые деревья, погода никакая – ни солнца, ни дождя, ни снега, ни ветра. Я еще немного послонялся, сделав за это время лишь одно полезное дело – поставил на зарядку мобильник. Но долго заряжаться ему не пришлось. В дверь

постучали. Маман.

– Борис, тебе все равно делать нечего. Съезди к деду, я пирожков напекла. Отвези.

– Я что, Красная Шапочка?

– Не умничай, деда наведишь и хоть воздухом подышишь.

– Вчера дышал. А, впрочем, ладно... давай, съезжу.

А, правда, почему бы не смотаться на дачу? По крайней мере, проветрюсь. Жажда отпустила, а вот голове легче не становилась.

Я быстро собрался, напихал в рюкзак гостинцев, налил в термос кофе (для себя, знаю, что скоро захочу), оделся практически так же, как вчера – попутно с удовлетворением заметив, что и джинсы, и куртка практически чистые. Не забыл взять у маман денег на проезд. Попутно, нащупав в потайном месте, под одеждой в шкафу, пачечку денег, на ощупь вытащил оттуда несколько тысячных бумажек. Теперь – в путь! Только шапочку по сильнее на уши натянуть.

До вокзала ехать остановки три. Я преодолел это расстояние пешком, втягивая через ноздри холодный воздух. Как лошадь. Или конь. В любом случае, мозги это прочищает неплохо.

В общем, мне повезло. По дороге никто не приставал. Возле пригородных касс почти никого. Вагон электрички полупустой. Я немножко проанализировал: куда они едут, исподволь понаблюдав. Время около часа. Суббота. Первые се-

ляне возвращаются в свои пригороды, пробежались по магазинам, набрали пакетов и коробков и до дома. Но их мало, не успело большинство все магазины обнести. Есть дачники, в основном пенсионеры. Но их тоже немного – они поутру в основном из города выбираются. Молодежи вообще не видно. Скучно. Я налил в крышку термоса кофе. Выпил. Во, теперь можно жить.

До остановки Сосны, неподалеку от которой стоит дедова дача, ехать минут сорок. Потом еще пяток минут через поселочек и собственно сосны, в которых и спрятались дачные домики в одном из которых практически круглогодично и обитает Виктор Борисович Сперанский собственной персоной.

Вообще-то, сосны стоят по одной стороне дороги, а домики находятся за заборами и за разнообразными деревьями – по другую. Дача деда стоит за зеленой оградкой, через который легко можно перелезть. Но я лезть не стал, просунул руку в щель и отодвинул задвижку. Дом стоял в зарослях деревьев и кустарников. Одноэтажный, но довольно большой, с просторной верандой. Дача досталась деду на излете советских времен. До этого она уже принадлежала какому-то другому профессору, но тот на ней практически не жил, а его родне было не до нее. Дед, тогда еще более чем бодрый, привел дачу в порядок, что-то даже пристроил, а вот сад практически не трогал, и тот основательно зарос. Но деду здесь нравилось, а со временем он переехал сюда окончательно. Сей-

час он жил здесь с очередной Марией Ивановной, которая раз-другой в неделю выбиралась в город и привозила продукты и прочее необходимое для жизни. А еще сюда периодически приезжали аспиранты, осуществлявшие связь деда с научным миром. С остальным миром деда связывали невидимые волны. Телевидение и интернет здесь присутствовали и крышу украшали разные круглые и вытянутые антенны.

Веранда была пуста, а когда я открыл дверь, то сразу увидел сидевшего в кресле с книгой моего деда Виктора Борисовича. На стук дед сразу поднял голову, сдвинул вверх очки и пошевелил роскошными седыми усами:

– Согласись, Борис, с книгой ничего не сравнится. Этот запах бумаги, этот шелест страниц.

– Здравствуй, дед.

– Здравствуй, Борис. Хорошо выглядишь. Даму сердца завел, наконец?

Где это он интересно увидел, что я хорошо выгляжу. Но дед, конечно, молодец. Не перестаю удивляться, как он в свои почти восемьдесят, так живо интересуется, в том числе и моей личной жизнью. И еще: он, конечно, учит меня жить, но делает это как-то не противно, а наоборот интересно и познавательно.

– Нет. Да и выгляжу так себе.

– Это неправильно, Борис. Для нормальной жизни нормальному мужчине нужна женщина. Она, по крайней мере, стимулирует. Вот, скажи, какой у тебя стимул? По-моему,

никакого... Хотел бы ошибиться. Знаешь как у Ясперса.... Впрочем, – дед махнул рукой, – Ты вряд ли знаешь, кто такой Ясперс.

Я знал, кто такой Ясперс. Правда, не очень знаю, что он написал. Помню только, что Ясперс ассоциируется у меня с Хайдеггером. Как Энгельс с Марксом, а Вицин с Никулиным.

– Зато я знаю, кто такой Ницше. Он писал, что, когда идешь к женщине, надо брать с собой кнут, – в итоге парировал я.

– Слушай, а ты вполне нормальный? – дед посмотрел на меня подозрительно.

– В смысле?

– В том самом. Смотри, не разочаровывай меня. Человек по фамилии Сперанский...

– Здравствуй, Боря, – раздалось сбоку, прерывая деда.

В комнату из боковой двери зашла женщина. Нет, это не очередная Мария Ивановна. Статная высокая женщина со светлыми волосами, забранными в пучок. Лет пятьдесят от силы. Мда... Вот дед дает...

– Борис, это Люда, ты с ней незнаком, а ей я про тебя уже рассказывал.

– Людмила Николаевна, – представилась женщина.

– Очень приятно, – почему-то засмутился я, – Надеюсь, только хорошее?

– Конечно, – засмеялась она, – Виктор Борисович тебя

очень любит.

– Ладно, Люда, дай нам поговорить, – дед махнул рукой, – А лучше принеси поесть. А ты... – это он уже ко мне, – Хватит стоять истуканом, раздевайся, устраивайся.

Я только сейчас заметил, что так и стоял с рюкзачком за плечами.

Я разделся и уселся на венский стул возле стола. Стул был скрипучий, и я старался не двигаться лишний раз. Дед это заметил:

– Не скрипи. Возьми другой.

Другого не было, но в углу стояла табуретка. Я пододвинул ее к столу.

– Ты знаешь, что мне в январе восемьдесят? – дед посмотрел мне прямо в глаза, – Вот спроси, где отмечать буду? А я отмечать буду, – с ударением на последнее слово.

– В кафе, ресторане, – я пожал плечами.

– Дома. В квартире, которую вы с матерью загадили, – дед недовольно повел плечами. – Я не миллионер, чтоб рестораны снимать. Так что, будьте добры привести в порядок.

– Хорошо, дед. Как скажешь, – я смиренно склонил голову.

– Ну, вот и молодец, – дед тоже решил сменить гнев на милость, тем более что Людмила принесла разносолы.

Дед разлил наливочку: – Давай за тебя, чтоб ты поумнел, наконец, и стал человеком.

– А что, я не человек?

– Человек, человек... Только тебе четвертый десяток, а ты... – дед махнул рукой.

М-да, привычка недоговаривать. Впрочем, и так понятно, что он хотел сказать. Не впервые...

– Люда, садись с нами, – дед опять махнул рукой.

В это время у меня зазвонил телефон.

– Алло.

– Здоров, Боб. Узнал?

– Тебя не узнаешь. Здоров.

Мишка Глухарев. Мы с ним вместе на стройках шабашим. Правда, в отличие от меня Мишка активен и даже, если и находится в состоянии отдыха, то после нескольких дней шатаний по значным местам, начинает искать очередную шабашку.

– Слушай, Боб, халтурка подвернулась. В Москве. Только надо побыстрее выезжать.

– Перед Новым годом? Да ну на фиг... И вообще я Москву не люблю, ты же знаешь. Суетно там.

– Да им какую-то хрень до Нового года сдать надо, они не успевают. Да еще и больше месяца времени. Платят нормально.

– Не, на фиг. Не готов я. Срывать так.

– У тебя что, семеро по лавкам? Ну, Боб...

– Не приставай. И вообще я говорить не могу сейчас.

– Ладно, я перезвоню. Но времени мало. Думай.

– Ага, Пока, Мишель.

– Кто там? – дед насторожился.

– Да, так, – я пожал плечами, – Давай по наливке лучше.

Мы выпили уже втроем. Тепло так. Чувствую, как наливочка растекается по телу. И из чего он ее делает?

– Борис, я давно хотел с тобой поговорить, – дед попытался посмотреть на меня серьезно.

Я пытался отшучиваться: – Да, мы ж всегда серьезно.

– Не перебивай. Тебе четвертый десяток. У тебя нет ни работы постоянной, ни семьи. Долго ты так жить собираешься?

Блин, и профессор Сперанский туда же.

– Дед, – я махнул рукой.

Но он продолжил: – Я понимаю, что у тебя с отцовской стороны странная наследственность, но...

У меня опять зазвонил телефон. Я глянул на экран и слегка поежился: отец. Телепатия какая – то.

– Слушаю, пап.

– Борис, привет.

– Привет.

– Ты когда зайдешь-то? Обещал ведь.

– Да всего два дня прошло. Или день. Зайду, конечно. Может завтра даже. Или послезавтра. А сейчас я у деда.

– Ага. Привет Виктору Борисовичу.

– Дед, тебе от отца привет.

Дед удивленно взмахнул рукой и пошевелил бровями.

– И тебе привет, папа.

– Ага. Спасибо. Звони и заходи. Я жду.

Да уж, дед, похоже, тоже был удивлен своими телепатическими способностями. Под это дело он перестал меня учить жизни, и мы выпили еще наливочки. Людмила наклонилась к деду и тихо сказала ему что-то типа: может, хватит. Дед опять шевельнул бровями и непонятно махнул пальцами.

Тем временем, за окном стемнело, и я начал собираться в город, а то электричек в последнее время стало ощутимо меньше.

На прощание, я наклонился к деду и тихо попросил: – Дашь немного «копытных»?

Дед опять сделал недовольный вид, но несколько тысячных перекочевали все же в нагрудный карман моей рубашки. Ближе к телу, так сказать. Дед пожал мне руку, и я шагнул с крыльца. Обернулся, чтобы махнуть на прощание рукой, и увидел два силуэта: дед на крыльце и прислонившаяся к косяку Людмила сзади него. Интересно, кто она – аспирантка или целый доцент, подумал я мельком. А потом вспомнил про отца: чего же интересно он так настойчиво от меня хочет. На него не похоже. После наливки и в теплой куртке мне хорошо и по дороге на станцию я все настойчивее думал об отце.

Вообще, фамилия моего отца – Селюк. Сергей Богданович Селюк. Отец родился на Западной Украине сразу после войны. Отца своего толком не помнит. Куда он исчез, говорит, не знает. Мать с ним маленьким вскоре переехала

в Центр России, к родственникам. Умерла, когда ему было лет семь или восемь. Потом и у родственников жил и в дет-доме. Судьба пошвыряла-побросала. Выжил, говорит, потому что одиноким волком был, никому не доверял. Таким он и остался, несмотря на внешний мягкий вроде бы характер. И с матерью не смог ужиться, хотя не ругались вроде особо. Долго, правда, расходились – сходились. Потом разошлись, но зацепил он ее, видно, крепко. До сих пор вспоминает. Да и дед тоже... Только вот фамилию мне дали материнскую. Маман твердо сказала: никогда мой сын не будет носить фамилию Селюк. Дед поддержал. Надавил авторитетом академическим. О фамилии я не жалею – Борис Сперанский звучит красиво. Только вот отца бывает жалко. Вот в такие минуты, как сейчас.

Ну, вот и станция. Стемнело. Электричка должна подойти буквально через несколько минут. Осмотрелся по сторонам. Скучные неинтересные тени. Ладно, уходим в себя. Тем более, помечтать, поразмышлять я люблю. Впрочем, долго мечтать не пришлось. Подкатила зеленая змея на рельсах, с шипением открылись двери. Я зашел в вагон. Народу вроде не много, но везде кто-то сидит. Ага, вот и свободное сидение. Даже два – места напротив тоже не заняты. Классно, можно ноги вытянуть. И я бухаюсь в угол.

Не знаю, как они успели войти – электричка, мне кажется, стоит здесь меньше минуты. Такие молодые, никакие, вообще как все. В ярких курточках, с рюкзачками и проводами

в ушах. Три парня и две девчонки. С шумом, гамом. И самое ужасное: плюхнулись рядом со мной, ворвались в мое персональное вагонное царство.

По закону подлости ко мне прижался самый крупный парень. Капюшон сбросил, шевелит своими белыми патлами. Пересесть что ли? Да ну их, много чести. Я слегка сдвинул соседа:

– Сэр, вы как-то уж поаккуратнее.

Но это мне показалось, что слегка, на самом деле толкнул я его вполне основательно. Он даже поперхнулся и пробормотал какие-то извинения. Остальные только прыснули. Такое вот поколение – дай поржать только. Лошадиное какое-то. А вот девчонка напротив, хоть и прыскает так же в кулачок, но посматривает на меня с интересом. Удивительно даже. Дай-ка присмотрюсь к ней повнимательнее. Хотя бы из того соображения исходя, чтоб просто время убить. Белая куртка, синие джинсы. Волосы распущенные, каштановые вроде.

– Что так смотрите? – вдруг сказала она.

Гляди-ка заметила мой взгляд. А я-то считал, что делаю это незаметно. Вообще, не люблю, когда мои действия замечают. Но тут деваться некуда. Штирлиц, вас раскрыли.

– Как? – по-идиотски ответил я на вопрос.

– Как будто раньше видели или наоборот первый раз видите.

И компания опять громко засмеялась. Мне терять нечего.

Балагурят? Я тоже могу:

– Да понравилась ты мне.

Они опять смеются. А один из парней заметил: – Да что ж странного? Олька всем нравится. Даже мне.

И попытался ее обнять. Она не то чтобы увернулась, но подалась вперед, и рука больше обняла спинку сидения.

– А тебе это ни к чему, – продолжил парень.

– Да? – я моментально ошетинился. Вообще-то я парень миролюбивый, но лучше меня не задевать, – И кто это так решил?

– Это наше общее мнение.

Они опять заржала. Но Ольга решила высказать отличное мнение:

– Почему? Почему я не могу парню понравиться?

– Можешь, – почти миролюбиво ответил ее сосед, – Только пусть восхищается издалека.

– Слушайте, неформалы, вы не много на себя берете? Кто-то мне нравится, кто-то нет. Я свободный человек в свободной стране. Все понятно? – и я даже привстал, чтобы придать своим словам больший вес.

Мне кажется, они что-то поняли. А может просто подумали, что если я такой борзый, то за моей спиной есть что-то побольше рюкзака. Может я каратист или бывший спецназовец.

И Олька тоже, кажется, оценила: – Видите, мальчишки? Человек в себе уверен. Может он сейчас у меня телефончик

попросит, и я ему дам, скорее всего.

– Что дашь? – почти невинно спросил мой сосед.

– Номер телефона, – Олька ответила ему ледяным голо-
сом и посмотрела на меня. Глазами, кажется зелеными.

Но я опять перехватил инициативу: – Не возьму. Могу
только свой дать.

Я достал из нагрудного кармана ручку, нащупывал там же
листочек для заметок, такой мятый-перемятый и написал
номер. Потом сунул этот листочек ей в руку, встал и не гля-
дя, начал передвигаться к выходу. Тем более что мы уже
почти приехали. Что она с этим листочком там сделала –
не знаю. Может, выкинула, а может, съела. Но почему-то
оглянуться очень хотелось. Однако иногда я проявляю почти
нечеловеческую силу воли.

До дома по темному уже городу, подсвеченному тусклыми
фонарями, я добрлся быстро. На автобусе. Пешком идти уже
лень.

Дома все шло по старому сценарию. Дежурные вопросы
маман, мои дежурные ответы:

– Да, мама. Нет, мама. У деда все хорошо. Что делает?
Ждет юбилей

Наконец, она отстала. Я принял душ. Вернулся в комна-
ту. Хотел залезть в инет, но вспомнил, что за него никто
так и не заплатил. В это время зазвонил телефон. Я глянул
на дисплей: Крупский.

– Да, Саш.

– Привет! Как ты? В порядке?

– Нормально. К деду вот ездил.

– Ты молодец. Образцовый внук. Женщину там себе не нашел?

Я поежился:

– Саня, блин... Чего хрень несешь?

– Совсем нет. Тебе годков-то сколько? И я знаю, что ты не голубой.

– Откуда знаешь? А вдруг...

– Нет, я верю в наше поколение вообще и в наш курс, в частности...

– Товарищ, верь... Ну и что ты от меня «неголубого» хочешь?

– Есть вариант. Завтра я тебя к себе приглашаю. Точнее, мы...

– Саня, ёшкин кот... На фигя тебе сводничеством на старости лет заниматься.?

– Короче, завтра к семи к нам. И ничего не планирую. Я еще перезвоню.

Выключив телефон, я еще долго смотрел в стену. А потом понял, что жутко хочу спать. Даже до очередного «майора Пронина» дело не дошло. Я выключил свет, уткнулся носом в стенку и очень скоро заснул. В голове почему-то было очень пусто и немного тоскливо.

Глава третья

Следующий день был воскресенье. Хотя для меня эти предзимние дни все на одно лицо. За окном пасмурно и ветрено. Деревья почти полностью облетели. Маман поехала к бабушке на кладбище, о чем она мне и сообщила из-за двери. Скорбным голосом, как будто бы бабушка умерла только что, а не десять с лишним лет назад. После этого Виктор Борисович Сперанский почти полностью и переехал на дачу. До этого дом был шумный и суетливый, а потом резко стал тихим и тоскливым. Даже иногда мне кажется, что ветер завывает в углах квартиры. Хотя, конечно, это иллюзия – дом на самом деле надежный и теплый.

Я не успел еще толком проснуться, но вот упругую твердость определенной части своего тела почувствовал. Обычно, такие моменты я использовал просто – в ванной при помощи собственной правой руки. Однако тут что-то меня притормозило. Не знаю, как называется это чувство. Возможно, просто захотел начать новую жизнь? Ну, даже не знаю. Обычно новую жизнь начинают с понедельника, а сегодня воскресенье. И все же в ванной я принял только прохладный душ. Потом пошарил в холодильнике, нашарил на завтрак. Выпил кофе. Вернулся в комнату. Заглянул под кровать в поисках гантелей. Знаю ведь, что они точно там когда-то были. Но под кроватью было темно и пыльно. Я чих-

нул и оставил затею с гантелями до понедельника.

Но тут в голову мне пришла другая идея. Надо заплатить за интернет. Все же нельзя полностью оставаться вне руслу мировой цивилизации. Да и кино неплохо было бы какое посмотреть, не все ж детективами пятидесятилетней давности пробавляться. И я решил выйти из дома. Платежный терминал находился в магазине за углом, и теоретически можно было бы выскочить туда в спортивном костюме, набросив куртку, но я не люблю этот странный не зимний и не осенний холод, поэтому решил одеться по – человечески. Джинсы, ботинки, свитер, куртка. Ну, теперь вперед.

Двор был до неприличия пустынен и вылизан дворниками от осенних листьев. Какая-то стерильность, я даже плечами повел, ежась от этой неприятной пустоты. Двор попытался проскочить поскорее. На улице было интереснее. Торопились прохожие, хоть их было не так уж и много в это воскресное утро (десять тридцать пять – я посмотрел на циферблат), ехали машины, которых было, пожалуй, больше, чем прохожих. Я забежал в магазин, положил сумму, необходимую для оживления всемирной паутины и снова выскочил на улицу. Откуда-то подул ветер. Совсем не теплый, скорее наоборот, но неожиданно освежающий. И мне почему-то расхотелось возвращаться домой. Я остановился и задумался. Так, помню, что отец настойчиво приглашал меня заехать к нему. Почему нет? Воскресное утро – прекрасное время для визитов.

Добираться до берлоги отца – дело не из простых. Для начала надо вспомнить, какой автобус туда ходит. Двадцать четвертый, кажется. Там-то я разберусь, на зрительную память не жалуюсь. Хотя от остановки еще прилично пилить.

Автобус подрулил довольно быстро. Я стал на задней площадке и смотрел на убегающие улицы. Меня нещадно трясло, но я постарался не обращать внимания. Только крепче вцепился в поручень. Ехать минут 35, благо пробок в воскресный день почти нет. Потом вышел из автобуса и побрел между разношенных пятиэтажек по аллейке, заваленной грязно-рыжей весной. Здесь не центр, дворники так не вылизывают ни улицы, ни дворы. Такой унылый пейзаж средней России, но для меня абсолютно приличный.

Уже на подходе к дому мелькнула мысль: а вдруг отца нет дома? Съездил, называется. Позвонить, что ли не мог? Однако отец оказался дома.

Он мне совсем не удивился. Впрочем, чему же здесь удивляться – сам ведь звал.

– Привет, проходи, – отец кивнул и скрылся в комнате. Я разделся в крошечной прихожей и последовал за ним. Не был здесь несколько месяцев, но никаких изменений не заметил. Тот же стол посередине, заваленный старыми газетами, бумагами и еще непонятно чем. Тот же большой и продавленный диван у стенки, два кресла, таких же потертых и продавленных. Те же шкафы, закрытые наглухо. Впрочем, какие-то незаметные глазу изменения витали в воздухе.

Какой-то запах легкой плесени, пыли и лекарств, что ли... Странно, на здоровье отец никогда не жаловался.

– Присаживайся, рад тебя видеть.

Отец вроде бы и не изменился вовсе. Такой же сухощавый, седоватый с опущенными плечами и несфокусированным взглядом – вроде и на тебя смотрит, но и не на тебя. Но в глазах какая-то тоска, то ли усталость просто.

– Как дела? Как здоровье? – поинтересовался почти дежурно, знаю, что отец не очень-то любит распространяться на эти темы.

И он, действительно, не очень-то распространялся:

– Здоровье..., – процедил он, – Здоровье... Сам-то как?

– Ничего. По-прежнему.

– Жениться не собираешься?

– Нет. А зачем?

– Зачем? – отец посмотрел за окно.

Посмотрел и я. За окном соседняя серая пятиэтажка. В просвете между ней и соседней – серое небо. Кажется, еще более серое, чем было тогда, когда я шел сюда.

– Дождь будет, – сказал отец, – А может снег...

– Может, – я пожал плечами.

– Слушай, Борис, – отец говорил медленно, как бы обдумывая, – Тут такое дело. В общем, не буду долго тянуть. Твой дед Богдан Васильевич Селюк не очень давно скончался в Канаде.

– Даааа...? – неожиданно это, – И сколько ж ему было?

– Ну, что-то в районе девяноста...

Да, вот так новость. Я считал, что деда по отцу давно нет в живых и лет ему уже и не сосчитать сколько. Конечно, отец говорил мне про него, но так давно, и, морщась при этом, как будто речь шла о чем-то неприятном. Не хотел вспоминать и понять его, в общем-то, было можно. Хотя отца как раз понять было сложновато. Вид всегда то ли виноватый, то ли просто отсутствующий, голос тихий. Мало было тем, которые он поддерживал с энтузиазмом. И про свое прошлое тоже. Хотя никогда не отказывал в разговоре, но с таким видом...

– Так вот, – продолжал отец, – Как оказалось он там жил, уже очень давно. Умер совсем недавно, да. Но, дело не только в этом. Не столько...

Отец замолчал и опять посмотрел в окно. Разгар дня, но темнело там ощутимо.

– Дело в том, что у деда твоего Богдана Васильевича наследников не оказалось в Канаде, или что другое... Короче, он оставил нам наследство. Формально мне...

Неожиданно, мягко говоря.

– И что за наследство?

– Я не очень в этом понимаю, но в общем... Это какая-то недвижимость в Канаде плюс акции разные. В основном, так. Но это цифра с многими нулями, в долларах.

– Так ты теперь миллионер? – я попытался улыбаться, но получилось криво.

– С одной стороны, – процедил опять отец, – Но дело еще и в том, что я хочу, чтобы в право наследования вступил ты. Я узнавал, это возможно. Кое-какие бумаги надо здесь оформить, точнее в Москве, а тебе потом желательно слетать в Канаду.

– Пап, ты что? А я-то тут причем?

Как ни странно, перспектива стать миллионером меня не вдохновила, а наоборот испугала. Правда, почему, я еще не понял.

– Понимаешь, – взгляд отца скользнул над моей головой, – Мне кажется, что они тебе нужнее. Это первое. А главное... – он набирает воздуха, – Ты знаешь, у меня со здоровьем проблемы. Сердце – это не шутки.

– Ну вот, и полечишься, – я опять попытался улыбнуться.

– Не думаю, что мне это поможет. Да и надо ли...

– Пап, ну какие мне акции? Я в этом не смыслю.

– Борь, ну продашь. Что за разговоры? Мальчик ты, маленький, что ли? Найдешь, что делать с деньгами. Это без денег трудно.

– Неееееттт!!! – я чуть ли не закричал, – Зачем мне в Канаду?

– Тебе не надо там жить. Необязательно. Слушай, Борис, – отец, кажется, начал сердиться, – Это уже не смешно даже. Скажи еще, что в Москву ехать тебе не хочется, чтоб документы оформлять.

– Да ну, документы, бумажки, подписи, – я стал реально

пугаться.

И отец заметил это:

– Ладно, я буду делать, что нужно. А потом уже ты подключишься. Но, прошу, не тяни...

– Что не тянуть? Я ж еще ничего. Никаких у меня бумажек нет.

– У меня тоже, – отец усмехнулся, – Борис, давай, не чуди. Ты все понял?

Да, понял, понял. Только для меня это известие не Канада даже, а какое-то Вануату. В смысле такое далекое. В общем, какая-то история не для меня.

– Давай, может, чай попьем? – отец поднялся с кресла.

– Давай, – я согласился, чтоб развести эти тучи.

Мы пили чай почти молча. А потом я начал собираться домой. Отец стоял в дверях комнаты, а я зашнуровывал кроссовки. И смотрел он на меня в упор. Вообще неожиданно. А потом сказал тоже неожиданные слова:

– Я, наверно, впервые в жизни чувствую себя перед тобой не виноватым. Но и ты не должен меня разочаровать.

– Да, брось ты, пап. Никто ни перед кем не виноват, и никто никому не должен ничего.

– Не спорь, – сказал отец. – Я тебе на днях позвоню, скажу, что дальше делать.

Я вышел на улицу. Там за это время и, правда, сгустились тучи. Кажется, даже дождь начал накрапывать. Я натянул на голову капюшон. А в голове какой-то противный

страх с возбуждением вперемешку.

Из этого состояния меня вырвал телефон. Крупский.

– Боб, ты помнишь? В девятнадцать ноль ноль у меня. Адрес, кстати, запиши.

Достал ручку, порылся в карманах.

– Не на чем, вроде.

– На руке напиши.

– Дождь смоем.

И тут я увидел бумажку, которую ветер подогнал мне под ноги.

– Минутку. Пишу.

Записал. Сунул бумажку в карман. Ого, новостройки. Опять путешествие. Ну, хоть отвлекусь, а то этот фейерверк мыслей. На фиг, все на фиг.

А пока что домой. Маман, естественно, дома. И, естественно, мне пришлось встретиться с ней, потому что все пути голодного мужчины ведут на кухню. Она была там.

– Где гулял?

Я врать и скрывать что-то не собирался:

– У отца.

– И что он?

– Он ничего. Дед из Канады наследство оставил.

Маман явно не поверила. Махнула рукой, поджала губы и исчезла в своей комнате. Тем лучше. Я тоже поел. Потом по привычке вымыл за собой посуду (а, вернее, чтобы не было лишних придирок) и исчез у себя в комнате. Так.

Чем заняться? Вспомнил, что заплатил за интернет и поднял крышку ноута. И что там в мире? В общем, обычная хреновень. Кто-то кого-то бомбит, курс чего-то падает, умер очередной актер. Начал водить курсором по карте. Уменьшил ее и дотянулся до Канады. Так, далеко и она такая маленькая... на этой карте. Тоска. Тут я вспомнил о том, что некогда хотел зарегиться на сайте знакомств. Но... это ж так скучно. Я захлопнул крышку ноута. Спать, так хочется спать. Еще разгар дня, а на улице такая темень. И идет дождь.

Проснулся я от телефонной мелодии. Опять Крупский. Блин, я же сегодня обещал к нему приехать.

– Боб!!! Ты что спишь?

– Ну, да. А ты что звонишь? Я все помню.

– Боб. Шесть часов. А ты спишь. Приводи себя в порядок, брейся, мойся, лей на себя вагон одеколона и ко мне! Ты понял?

– Да, конечно. К чему такой кипеш?

– К тому, что ты, сучья душа, спишь весь день. Собирайся.

Адрес не потерял?

А хрен его знает. Я лихорадочно начал вспоминать, на чем его записывал. На клочке каком-то.

– Так и знал, – зло сказал Сашка, – Записывай еще раз.

Записал, поклялся, побожился и пошел в ванну. Уныло побрился и вылил туалетную воду на голову. На выходе меня ждала маман.

– Борис, у меня к тебе разговор.

– Ну, не сейчас только. Я к однокурснику еду.

– Это хорошо, что ты хоть с кем-то общаешься, – миролюбиво сказала она, – Поэтому я коротко.

– Ну?

– Ты помнишь, что у деда юбилей скоро?

– Конечно, через два месяца. Почти.

– И что ты об этом думаешь?

– Ничего. Потом подумаю.

– И второе: я была у бабушки на могилке. А ты когда был последний раз на кладбище?

Брррр... Кладбище... И так тоскливо....

– Не помню. Буду. Съезжу. Дай денег лучше.

– Борис, ты в себе? – она поджала губы.

– Немножко. Так, не дашь?

– Нет.

– Ну, ладно.

И я гордо удалился. Знаю, что какие-то деньги у меня есть: дед дал. И деньги причем внеплановые, что очень даже приятно. Это не считая заначки. Тем временем, стрелка на часах приблизилась к половине седьмого, а я вроде обещал не опаздывать. Или не обещал. Достал из шкафа чистую голубую рубашку, синий джемпер. Плюс синие джинсы – почти ансамбль. Короче, для Крупского сойду. И вперед. Только вот надо такси брать. Добираться на общественном транспорте – гарантированное опоздание на час минимум. Благо, таксисты на нашем проспекте дежурят постоянно. И первый

открыл дверку.

– Олимпийский проспект, сто двадцать, – я заглянул бу-
мажку и назвал адрес. «Логан» просто полетел. За окнами
мелькали фонари, и зеленый свет светофоров гнал вперед.
Вот и широкий новый проспект. Тормознули у шестнадцати-
этажной одноподъездной башни. Расплатился и только, ко-
гда такси отъехало, в голову пришла мысль: надо что-то ку-
пить что ли. Рядом ни одной точки, тем более что фонари
здесь тускловаты. Наконец, увидел, что чуть дальше по про-
спекту светится магазинная реклама. Быстрым шагом я до-
брался до магазинчика. А брать-то что? Наконец, мой выбор
остановился на бутылке шампанского. Все, на этом фанта-
зия закончилась, да и время – я глянул на часы, уже несколь-
ко минут восьмого. Опаздывать все же нехорошо – это мне
еще в детстве в голову вбили. Поэтому теперь уже коротки-
ми перебежками возвратился назад, к подъезду шестнадца-
тиэтажки. Теперь связь по домофону и вперед. Сашка живет
на пятнадцатом этаже. Когда я добрался до него на стреми-
тельном лифте (ну, что-то сегодня у меня все летает), дверь
уже открыта.

– Ну, привет, – сказал Сашка, – Опоздал всего на десять
минут.

– Привет. Что свисток к началу игры судья дал?

– Нет, Он тоже опаздывает, – рассмеялся Сашка.

В прихожей я разделся и прошел в большую комна-
ту. Такая современенькая, с минималистической мебелью.

На диване сидят блондинка в розовом и брюнетка в синем. Димка Крутиков в черных брюках и белой рубашке поднялся из кресла напротив. Улыбка, просто Голливуд.

– Знакомься, – сказал Сашка, – Это Люба, моя жена.

Это про блондинку.

– А это Света, супруга нашего дорогого Дмитрия.

Черт его знает, как с этими дамами здороваться. Руки целовать не приучен. Кивнул, улыбнулся. Дамы, примерно, так же отреагировали. Крутиков руку пожал.

Стол накрыт. Скромненько и со вкусом.

– А, кстати, – я улыбнулся во все тридцать два зуба, – У меня шампанское.

– Ну, давай твое шампанское, – засмеялся Крупский, – У нас, правда, и шампанское есть, и водка, и мартини. Люба, что у нас еще есть?

Но меня это не очень интересует. Вообще, есть такое чудное слово «бухло». Короче, возвращаюсь в прихожую, где из внутреннего кармана моей куртки больше чем наполовину торчит горлышко в фольге. Только успел достать и тут в дверь позвонили. Весело так. Кажется «Ручеек» звонок этот называется.

– Сань, к вам еще кто-то, – крикнул я.

Но хозяин с хозяйкой уже услышали. В прихожей появились почти одновременно. Сашка открыл дверь, и я услышал радостные возгласы, мужские и женские, и прочие «чмоки-чмоки». Когда Саша с Любой, наконец, отошли от двери,

то я увидел силуэт высокой шатенки в легкой шубке, которая она сбросила на руки ловкому Сашке.

– Борис, иди сюда, – позвал меня Сашка.

А идти мне особо никуда и не надо: стоял я тут в паре-тройке шагов с шампанским в руках.

– Тут я.

– Знакомьтесь. Это Борис – мой однокурсник, чудный парень. Веселый и свободный, – сказал Сашка и громко засмеялся, – А это Лада – создание удивительное, просто небесное.

– Да ну тебя, Саш, – улыбнулась Лада, и махнула в его сторону рукой, а потом мне эту руку протянула. Я, естественно, руку пожал. Хотя такой даме ручку не грех и поцеловать. Поскольку, дама, то бишь Лада, даже в прихожей произвела впечатление.

Высокая, стройная, длинноволосая, прямой нос, пухлые губы. Правда, говорят, что такие губы натуральными не бывают, но я, честно говоря, в этом не слишком большой спец.

В итоге мы опять прошли в гостиную. Уселись и я, как бы случайно, оказался рядом с Ладой. Впрочем, в анабиозе я находился не слишком долго. Начал соображать, что все это не случайно. И от этого стал смущаться и начал шутить. Самое страшное, что сложно понять – шучу я удачно или неудачно. Вспоминал какие-то анекдоты. Но все вроде смеялись и я немного успокоился.

Потом мы переместились за стол.

– Что кому? – поинтересовался Сашка. Все решили начать с шампанского и открыли бутылку, но почему-то не мою. Мне, в принципе, на это наплевать, но я не люблю шампанское, а тут решил не отставать от коллектива. Шампанское противно защекотало нос. Хотелось чихать, но я как-то сдержался.

Выяснилось, что Лада работает вместе с Любой, тоже в каком-то финансовом учреждении. Для меня все эти финансы, кредиты, аудиты – темный лес. А вот красивые женщины... Это нечто уже подзабытое, с горечью констатировал я про себя. Но мне стало легче, жарче и спокойнее. Это, наверно, потому что после шампанского я выпил водки.

А потом мы с Ладой пошли танцевать. Музыка звучала какая-то совершенно незнакомая. Да, и вообще я не очень-то музыкален. У меня много достоинств – по большей части скрытых, но музыкальный слух в их число не входит. Так что, куда-то вела меня Лада, а я плыл. Почти в прямом смысле. нырял и только изредка выныривал, чтобы глотнуть воздух, чтобы ощутить – вот ее бедро, а вот сосок. Черт, такой твердый.

Как это ни странно, мы умудрялись даже разговаривать. Вернее, умудрялся я. Для Лады проблем особых, как я понимал, не было

– А где Вы работаете?

– А разве мы не на «ты»? – я умудрился ответить... только вопросом на вопрос.

– Не вопрос, – улыбнулась она и пощекотала мне волосами шею, – Так, где ты работаешь?

– В строительстве. Верен диплому и призванию.

– Молодец. В наше время это редкость, – не пойму, иронизирует что ли.

– Ага, стараюсь.

– Что любишь?

– В смысле?

– Как время свободное проводишь?

– Люблю красоту, во всех проявлениях, – кажется, держусь нормально.

– Достойный ответ. А что вечерами делаешь?

– Сплю. Точнее, это ночами.

Блин, кажется, сдаю позиции.

Лада рассмеялась:

– Спать можно по-разному. И в разное время.

Вот, черт, совсем не знаю, как это понимать.

К счастью, тут мы вернулись за стол. Я сидел рядом с Ладой, колени наши соприкасались, я старался меньше пить, но из светской беседы как-то выпадал.

Тут Дима со Светой собрались уходить. Мы вышли в коридор их проводить. Опять рукопожатия, «чмоки-чмоки». И едва за ними захлопнулась дверь, Лада повернулась к хозяевам: – Ребята, мне тоже пора. Спасибо за чудный вечер. Боря, – она повернулась ко мне, – Ты меня проводишь?

Конечно, я не стал отказываться. Даже шубку помог Ладе

надеть. Попал, правда, рукавом только со второго раза. Она коротко хохотнула. Почему-то такие мелочи запоминаются. Знаю, что потом эта деталь может всплывать у меня и через год и через два. Такая вот натура.

...Целоваться мы начали уже в лифте. Я вжимался в Ладу, а она немного отталкивала меня: – Ну, подожди, подожди..., – а потом опять прижималась.

На улице шел дождь. Но я даже капюшон не стал накидывать. Выскочил такой красивый и стал ловить такси. Машина подъехала практически мгновенно.

– Куда едем? – повернулся я к Ладе.

– Ко мне, – как нечто само собой разумеющееся, сказала она.

А у меня в этот момент что-то сжалось внутри. Но виду я не подавал.

Мы влезли в машину.

– Поехали, – скомандовал я водителю.

– Куда? – он обернулся к нам.

Лада назвала адрес. Ехать было недолго. Мы опять целовались, она опять слегка придерживала меня, придерживала мою руку. И опять тихонько посмеивалась.

Когда такси остановилась, я нащупал какую-то купюру во внутреннем кармане и протянул ее водителю: – Хватит?

– Ага. Сдачу возьмите.

Я протянул руку и, сминая бумажки, сунул их в карман. Мы вышли на дождь.

– Ну, не стой тут, – Лада потянула меня за руку, – Пошли кофе пить.

До кофе дело, естественно, не дошло. Задыхаясь от ощущения почти невероятного, я еще в прихожей, сбросил с нее шубку, задрал платье, потом развернул спиной. «Блин, сколько ж у меня женщины не было», успел подумать я и пытался вспомнить, но счет сбился сразу же после того, как я вошел в нее. Физиология пересилила, я кончил сильно и бурно. Она почти сразу потащила меня под душ, на ходу сбрасывая остатки одежды и раздевая. Я шел как бычок на заклание, плохо понимая, что происходит. Только чувство какой-то гордости пробивалось сквозь затуманенное алкоголем, осознанием непонятности происходящего, сознание и наваливающуюся усталость. Однако, как оказалось, покой нам только снится...

Мы оказались в большой мягкой кровати, и моя нерастратенная сексуальная энергия извергалась из меня с немалой силой. Правда, постепенно активность замедлялась и постепенно начала сходиться на нет. Но мне кажется, что все равно за эту ночь я значительно перевыполнил норму средне-статистического мужчины. И в какой-то момент силы оставили меня и я просто вырубился. Кажется, Лада тоже была не против этой паузы.

Утро наступило неожиданно. Я проснулся и сначала не понял, где я нахожусь. Огляделся с любопытством. Такая просторная спальня, в светлых, почти белых тонах. На-

сколько, я понимаю, типично женская. Пуфики, трюмо, или как он там называется. Еще столик с зеркалом. А самое главное – кровать. Большая с белоснежными простынями в центре комнаты. Простыни были смятыми, но все равно белоснежными. Сквозь тоже светлые, чуть с бежевым кажется оттенком, шторы в комнату пробивался солнечный свет. Блин, сколько дней солнца не было, а тут...

В комнату вошла женщина в халатике. Тоже бежевом. И тут я начал вспоминать, что было со мной вчера. Или не со мной. Или не вчера, а уже сегодня.

– Привет. Как спалось? – улыбнулась Лада.

– Спасибо. Доброе утро.

– Утро? Ну, можно и так сказать, – она улыбнулась. – Хотя почти двенадцать уже. Для девушки, вынужденной зарабатывать самой себе на колготки, уже время не раннее.

– Да? А на работу не опоздаешь?

– Позвонила, предупредила. Но ты прав, сейчас уже собираться буду. Так что, на завтрак только кофе. Пошли, – она легко пробежалась пальчиками по моей ноге.

Лада, действительно, спешила. Налила мне кофе, а сама ушла одеваться. Я медленно пил кофе и чувствовал, как ко мне возвращаются силы. Теперь можно и одеться, поскольку я сидел, в чем мать родила и начал испытывать ни холод и не смущение, скорее ощущение некоего беспорядка.

Лада зашла с последним глотком. Одетая, и даже насколько я понимаю в макияже. В руках она держала кучку одежды.

– Оденся, – она аккуратно положила ее на табуретку рядом со мной, – Я вроде все собрала. Хотя может, какой носок за потолок зацепился.

Я оделся под ее внимательным взглядом, носки были на месте.

– Ну что ж, пошли, все-таки мне работать надо, увы, – она сделала паузу, подождала пока я встану и продолжила: – Хочу еще тебе что-то сказать. Ты – классный парень, в постели очень хорош, и если немножко поработать, из тебя может получиться что-то путное. Ты подумай.

Тут она лукаво улыбнулась и, чуть качнув бедрами, пошла в прихожую. Мне ничего не оставалось, кроме как двинуться за ней.

Возле подъезда она подошла к красному «Пежо»: – Подвезу, если только по пути. Времени и, правда, в обрез.

– Спасибо, доберусь как-нибудь.

– Не обиделся? – она опять улыбнулась.

– Да нет, пройдусь подышу. Честно.

– Верю, верю.

Она почти по братски чмокнула меня в щечку, потом щелкнула замочком сумочки и протянула мне квадратный прямоугольничек бумаги с золотым тиснением:

– Пока.

Лада села в машину и уехала. Я постоял, глядя ей вслед. Потом поднес визитку к глазам. «Буранова Лада Михайловна. Банк „Союз“. Начальник кредитного отдела». Ох, уж мне

эти банкиры. Как грибов после дождя. Я повернулся и медленно побрел со двора. Засунул руки в карманы. Автоматически достал мобильник. Моя «Нокиа» давно не знала зарядки, но была вполне дееспособна. Более того, о чем-то мне сигналила. Ого! Семь пропущенных. Пять раз звонила маман, один – отец, еще один номер был незнакомый. Часы показывали начало первого.

В своем городе я ориентировался вполне хорошо. Вышел из двора и быстро нашел нужную остановку. В автобусе телефон зазвонил снова. Крупский.

– Привет, Боб. Раз взял трубку – можешь говорить, значит.

– Могу, – согласился я.

– Не слышу благодарности. Все прошло хорошо?

– Нормально.

– Блин, это я не могу особо говорить с работы, а получается, что ты не можешь. Ладно – подробности письмом. Но учти, если не будешь лохом, то вытацишь счастливый билет. Понял?

– Ага. Лотерейный.

– Не совсем. И помни, кто тебе помог. Ладно, на связи. И давай веселее, а то сомнения в твоей адекватности появляются. Или дееспособности.

Сашка хохотнул и повесил трубку.

Я доехал до дома минут за пятнадцать. Как где-то там все дороги ведут в Рим, так у нас все дороги ведут в центр, то

бишь к моему дому. Едва ноги почувствовали твердь земную, как мобильник зазвонил снова. Маман.

– Слава Богу, живой.

– А что со мной может случиться?

– Не знаю. В полиции тебя нет, в больницах тоже...

– ... и в морге тоже. Потому что на небо таких не берут

– Он еще шутит. Я всю ночь не спала, полтонны валерьянки выпила, еле до работы доехала. Где ты был?

– Нормально все, я уже большой.

– Позвонить мог бы, совсем о матери не думаешь.

– Ага. Дома я уже.

Действительно, я уже почти добрался до дома. Зашел в подъезд. Поднялся в квартиру. На улице – солнце, а в комнате моей все было так, будто ничего в жизни не изменилось. Но это ж не так. Я присел на диван и отключил мобильник. Надо обдумать, что изменилось в моей жизни. Но мысли никак не складывались в пазл, разбивались на маленькие ничемные кусочки, каждый из которых норовил выдать нечто отдельное и совсем неинтересное. Даже мысль о том, что несколько месяцев (сколько? – не помню) у меня не было секса, а тут за одну ночь столько (сколько? – тоже не помню, или не понял) никак не складывалась в определенную картину. Все было хорошо, но со мной ли?

Потом я пошел в душ, потом переоделся в домашнее, потом почувствовал голод и поел. Вернувшись в комнату, я сел за стол, открыл ноутбук, но там не мог понять, чего же я хо-

чу. Начал шарить по просторам Интернета, набрел на предложение сыграть в игру, начать строить свой город от древних времен до наших дней. И это предложение вдруг заинтересовало меня. Пусть путь предстоял долгим, но почему бы и нет. Часа два, я точно определял место, выкладывал стены, подводил водопровод. А потом меня сморило, и я уснул.

Глава четвертая

Разбудила меня маман. Она стояла прямо над моей головой и что-то гневно выговаривала. Однако, событие. Обычно она весьма деликатна и без стука в мои апартаменты не заходит.

– ...совсем совести нет. Здоровый лоб, на моей шее сидишь. Даже дома ничего не делаешь. Да еще и ночами неизвестно где шляешься.

Эка, ее пробрало. Хотя и никакой логики – на шее сижу, а как дома нет – паника. Но говорю вполне миролюбиво:

– Да, ладно. Мне ж уже лет то сколько?

– Ты позвонить хотя бы мог!?

– Мог. Извини, буду звонить.

В моей голове начало проясняться и самое время поразмышлять, но маман не даст. Я встаю и щурюсь от яркого света, который бьет из коридора. Выхожу в коридор. Большие часы, висящие на стене в кухне, показывают без пяти семь. Хорошо я поспал.

– Мам, дай поужинать.

Она продолжает ругаться, но греет ужин, подает мне, и я пытаюсь есть, отрешившись от всего. Думаю, что давно пора купить какой-нибудь плеер с наушниками, чтобы музыка забивала все посторонние ненужные звуки. Хотя с другой стороны: смогу ли я тогда под музыку думать и размышлять.

И хорошо бы я был, если бы ходил по квартире с наушниками. Маман вообще бы взбеленилась. А я скандалов не люблю.

Я доел, выпил чаю, вежливо поблагодарил.

– Пойду, пройдуся, – сказал я лишь бы для того, чтобы что-то сказать.

Но и в самом деле, почему бы не пройтись. Подумаю о жизни. Воздухом подышу.

– Иди, – уже более миролюбиво говорит маман, – Но если опять решишь загулять, хоть позвони.

Хорошо хоть не сказала: будь дома в девять. Но вслух я только соглашаюсь, вежливо кивая головой.

Я быстро оделся. Как всегда тепло и функционально. И пусть на дворе конец ноября – нет плохой погоды, есть плохая одежда. И вышел на улицу, на ходу включая мобильник. А он зазвонил почти сразу. Блин, моя популярность не знает границ.

Правда, это была не заграница, это был всего лишь Мишка Глухарев.

– Слушай, Боб. Сбор команды почти закончен. Выезд завтра вечером. Ты с нами.

Я мнусь, поскольку и сам не знаю, что сказать. Работать и вообще активно двигаться не хочется. Но с другой стороны – месяц всего и денег не шибко много.

– Слушай, я бы хотел, чтоб ты был. Привык я к тебе, – говорит Мишка.

А как же Лада, внезапно приходит мне в голову. Впро-

чем, что Лада... счастливый случай, а не счастливый билет. И на фиг я этой банкирше?

– Ладно, Мих, поехали. Уговорил.

Мишка откровенно рад. Мы договариваемся о завтрашней встрече, он напоминает о том, какие документы мне нужны, что взять

А я, кажется, уже рад, что будет хоть какое-то дело.

С Мишкой я разговаривал, уже во дворе, для удобства разговора присел на скамеечку, не возле подъезда, а чуть подальше, на детской площадке, откуда мамыши обычно наблюдают за играми своих отпрысков. Договорил, положил мобильник в карман. Но встать не успел. От соседнего подъезда ко мне мелькнула какая-то тень.

– Здорово, Боб.

Леха Маслов, сейчас деньги опять просить будет.

– Здоров, Леха, но на мели я. Завтра в Москву на заработки рвану.

– Да, ладно, не прошу. Могу даже закурить угостить. Ты ж, небось не куришь?

– Не курю.

– Ну. Значит, не носишь сигарет. А у меня есть, – радуется Леха.

Опять странная логика, думаю я. Хотя, очевидно, Лехе просто хочется поговорить.

И я закуриваю. Стараюсь глубоко не затягиваться. Но с непривычки дым все равно кажется кислым и дерет гор-

ло.

– Боб, ты Славика Гонцова помнишь?

– Помню и что?

Славик учился со мной в параллельном классе и жил на одной лестничной клетке с Лехой. Класса до пятого мы дружили, вместе играли во дворе, а потом наши пути как-то разошлись. Славик носил очки, хорошо учился и казался нам «ботаном». Никто во дворе его особо не обижал, но проходя мимо гогочущей компании во дворе, он ускорял шаг и быстрее скрывался в подъезде. Два последних года он ушел из нашей школы в физико-математический лицей, потом уехал учиться в Москву и после этого я видел его крайне редко.

– Он приехал. В гости.

– И что? Я должен радоваться?

– Он в Америке живет. В Калифорнии.

Я даже поперхнулся. Казалось бы, какое мне дело до какого-то Гонцова и до Америки, но вот как-то проняло. Он там, а мы здесь – вертелось в голове.

– И что? Пообщался с тобой?

– Да ну, на фиг. Не особо. Да и мне он на фиг? Родители с ним говорили. Потом мне начали мозг есть.

– Да, понятное дело. Ты, мол, балбес, а человек...

– Так, он не просто в Америке, он там бабки хорошие зашибает. Эх, мало я ему щелбанов давал, – вздохнул он.

– А ты давал? – заинтересовался я.

- А то, – мечтательно выдохнул он, – Как встречу, так...
- Короче, от тебя он в Америку и смылся, – резюмировал я.

И тут у меня снова зазвонил телефон. Номер незнакомый.

- Да, слушаю.
- Привет, – приятный женский, молодой голос.
- Привет.
- Это Оля.
- Какая Оля?
- У тебя так много Оль?
- Да нет.

– Боря, это Оля из электрички. Помнишь?

Тут-то я вспомнил. И даже сердце забилося

- Привет. Помню.
- Как дела?
- Спасибо. Живой.
- Больше ничего? – она засмеялась.
- А что еще? По нашей-то жизни.
- Ну, ты как старик. А я-то думала, что ты еще молодой.
- Да, молодой, конечно, молодой. Это я шучу так. Потому

что еще и веселый.

- Тогда ладно. Встретиться не хочешь?
- Встретиться?

Сердце опять забилося.

- Ну, да. Тебя что-то удивляет?
- Нет. А что должно удивлять?

– Ну, что я первая позвонила.

– Нет. Нормально. Спасибо.

– Да, не за что, – Она опять засмеялась, – А может ты занят?

– Нет. Конечно, встретимся.

– Давай завтра. Часиков в семь. Пойдет?

– Да, конечно.

– А место можешь сам назвать. Это ты можешь сам?

– Ну, да. Угол Ленина и Социалистической. Под часами. Пойдет?

– Вполне. Я там живу рядом.

Во... Это ж в двух кварталах от моего дома.

– Договорились.

– Договорились. Пока. До завтра.

Пока я говорил с Олей, Леха честно молчал. Но как только я убрал телефон от уха, опять заговорил:

– Ну, так вот, Гонцов этот...

– Слушай, Леха, на фига мне твой Гонцов?

– Не, ну ты смотри, он в Америке...

– Знаешь, фильм такой был: «Слава Богу, не в Америке»... Видел?

– Не.

– Ну, так посмотри и сделай выводы. Ладно, пошел я.

Я встал и двинулся в сторону выхода из двора. Лехина сигарета погасла, я машинально покрутил ее в руках и отбро-

сил в сторону.

На улице я повернул налево и пошел в сторону центральной площади. Через два квартала, немного не дойдя до нее, я остановился возле четырехэтажного дома со шпилем и часами под ним. Дом был городской достопримечательностью. Были в городе дома и побольше, и повычурнее, но почему-то именно возле этого дома чаще назначались свидания, да и вообще он был ориентиром для многих: «напротив дома с часами», «рядом с домом под шпилем». И все знали, о чем речь.

И именно под этим домом я вспомнил о Мишке. Блин, я ж ему пообещал. За что мне все эти дилеммы? Я ж их с детства боюсь, может быть даже больше зубных врачей. Впрочем, мысленно я уже знал, как поступлю.

До дома я дошел быстрым шагом. Лехи во дворе уже не было. Ну и хорошо. В квартире я быстро разделся и шмыганул к себе в комнату. Но маман естественно услышала.

– Боря, это ты?

– Я. Извини, я спать лягу, что-то голова разболелась, – соврал я.

– Прими таблетку.

– Нет, лучше посплю.

Я и, правда, задернул штору и как был – в брюках и рубашке завалился на диван. Правда, телефон при этом выключить не забыл – хватит общения на сегодня. Сон долго не шел мне в голову, но, в конце концов, я отключился, свернувшись ка-

лачиком и засунув голову под подушку.

Утро началось, как обычно. Маман разбудила меня, когда уже собиралась идти на работу. Постучала в дверь:

– Доброе утро. Борис, ты думаешь вставать?

– Да, рано еще, – пробормотал я.

– Сколько ж можно так лежать? Вот скажи мне, пожалуйста, – она впрочем, сегодня на удивление вежлива и добродушна.

– Да, куда спешить, – постепенно просыпаясь, ответил я и в тот момент начал вспоминать события минувшего дня. Два, прежде всего. Звонок Мишки и звонок Ольги. Что ни говори, не люблю я, когда выбор делать надо. Лучше чтоб был один вариант, безальтернативный.

И маман, кажется, мои мысли прочитала:

– Сходи за картошкой. Лучше на рынок. А то она почти закончилась.

– А деньги?

– Ты совсем не в себе, что ли? На картошку найдешь. Все. Я ушла. Вставай.

Дверь захлопнулась. Я еще немножко полежал, потом встал и подошел к окну. На улице шел снег. Кажется, зима пришла. Я выдохнул. Сейчас, наверно, и настроение изменится. И жизнь. Смена сезонов всегда так влияет на меня. Ну, и значит что-то надо делать. Хотя бы за картошкой сходить. Но для начала надо позавтракать.

Позавтракав, я начал собираться в поход за картошкой.

На улице по-прежнему шел снег, но меня это не пугало, наоборот, радовало. «Нет плохой погоды, есть плохая одежда», – говорят, кажется, англичане. Одеть мне было что, более того, деньги были и не только на картошку. Я даже не стал трогать записку в книгах. Достал бумажник, аккуратно рассортировал купюры по их достоинству. Папу сотен и мелочь отсыпал в карман. Обычно я не слишком люблю доставать деньги и платить за что-то: целее будут. Но сейчас это занятие почему-то доставило мне удовольствие. Тем более, что к имевшимся добавились несколько тысяч, добавленных дедом. «Почти заработал, – хмыкнул я про себя, – зря, что ли на дачу ездил».

Одевшись, я вышел из дома. Снег шел несильный, но за ночь навалило его изрядно, и на другом конце двора дворник скребком начинал торить дорогу. Похоже было, что его вахта началась недавно, мои ноги оставляли следы в нетронутой целине. В кармане я нащупал телефон. Надо б включить, хоть от избытка звонков и телефонного общения в последнее время я в последнее время слегка подустал. Включил и сразу подумал: «Хоть бы не зазвонил». Телефон и, правда, молчал почти всю дорогу до рынка.

Картошку я мог бы купить где угодно, хоть в ближайшем магазинчике в соседнем доме, благо продают они нынче все что угодно – от презервативов до арбузов. Но маман предпочитала, чтобы овощи и фрукты мы покупали на рынке. И сейчас я был совсем не против, чтобы прогуляться. Ка-

ких-то три квартала по свежевывавшему снежку.

Телефон зазвонил, когда я стоял у больших кованых ворот, за которыми, собственно, рынок и начинался. Вот еще тварь с кнопками!

И, конечно, звонил Мишка. И, конечно, начал он сходу про поездку в Москву. Выезд-то сегодня.

– Слушай, Миш, я не смогу, наверно, – промямлил я. Вот, блин, натура, не могу собраться никак и сказать четко и ясно. Все с мыслями собираюсь и плююсь словами, как кусочками жеваной бумаги.

– Ты что, охренел? – с пол-оборота завелся он и, если честно, я его вполне понимал.

– Обстоятельства у меня. Извини, – я хоть и мямлил, но стоял на своем твердо.

Мишка продолжал ругаться и грозить мне всеми смертными карами. Но я знал его, и понимал, что когда-то он отойдет и снова позвонит. Пока же Мишка обещал мне удалить мой телефон навсегда и, наконец, отключился.

Я немного постоял перед входом в людское месиво рынка, попереживал Мишкин наезд (все же успокоиться сразу не удалось, вот не люблю я всякие конфликты) и пошел покупать картошку. Через пять минут с большим пакетом я выбрался наружу и побрел назад. Дорога домой уже не казалась мне такой легкой, воздух был уже менее чистым, а машины мелькали по улице с неприятным мельтешением. И снег под ногами, скорее, раздражал, чем радовал. Я шел, съезжив-

шись, и спрятав голову в плечи. Требовались положительные эмоции, и я начал думать о вечернем свидании. В половинчатом настроении я добрел до двора. Навстречу мне из калитки выскочил какой-то парень. Я даже отшатнулся, так стремительно он выходил. Но парень (или мужчина, хотя какая в сущности, разница) притормозил.

– Борис, привет!

– Привет, – я поднял голову.

Передо мной стоял Славка Гонцов. Я узнал его сразу, хотя он прилично изменился. Очки в темной оправе, светлые волосы, не спрятанные под шапку, синяя куртка с какой-то эмблемой. Взгляд у него, конечно, изменился, такой целеустремленный стал.

– Узнал? – улыбнулся Славка.

– Ага. Гонцов.

– Ну, да. Хотя зачем так официально?

Во, у него даже акцент какой-то появился. Хоть и говорит вполне нормально, на обычном русском языке, но как-то неуловимо не так.

– А как с вами, с американцами? Только официально. Как Лавров с Керри, – попытался пошутить я.

– Но мы-то не дипломаты.

– Значит, у нас народная дипломатия.

– Все шутишь... Расскажи, как жизнь. Сто лет не виделись.

– Ага. Целая жизнь, только у каждого своя.

– Какой-то ты, Борис, агрессивный стал, – грустно сказал Слава.

– А тебя это что, расстраивает?

– Ну да, наверно... в какой-то степени.

– Да ну, забей, все нормально.

– Мне родители про многих рассказывали, что знают. Про тебя тоже.

– А что про меня? Я про свою жизнь особо не распространяюсь.

– Мама твоя что-то говорила.

Ага, вот кто про мою тайную жизнь вести разносит... Будем иметь в виду.

– Ладно, как там в Америке?

– По-разному. Динамично. Но, в общем, неплохо, если работаешь. Ты знаешь, в Москве тоже работают, но там многие только работают, а в Америке...

– Ладно, Славик, – мне не хотелось развивать тему, – Я давно в Москве не был, так что не очень в теме.

– Может, как-то поговорим еще? Я неделю здесь буду.

И тут у меня зазвонил телефон. Вовремя, в этот раз.

– Ага, может. Извини, – я протянул Гонцову руку и пошел в сторону дома, аккуратно обойдя его по свежесвалившему снегу.

Звонил дед.

– Борис Сергеевич, ты что пропал?

– Да вроде не очень, был же недавно.

– Недавно. То осень была, а то уже зима пришла, – дед хрипло засмеялся и сразу закашлялся. Я подождал, пока он прокашляется и сказал:

– Да как-то дел много.

– Работу что ли нашел?

– Да, как сказать...

– Если есть возможность, заезжай что ли, а то мне как-то не по себе.

Странно. Дед не любит жаловаться. Иногда он просто пугает меня своим оптимизмом.

– Хорошо. Я постараюсь. Выберу время.

– Ну, спасибо. Матери привет. Скажи, я ей позвоню.

Дед отключился. Я оглянулся назад. Гонцова уже не было. А не свежавыпавшем снеге отпечатались мои следы. Причудливо сделавшие зигзаг, там, где я обходил Славика.

Дома было еще более пасмурно, чем когда я уходил. Или мне так только показалось. Шторы задернуты, а на улице затянуто-снежное небо. Раздевшись и отнеся картошку на кухню, я включил ноутбук. Решил поиграть, продолжать строить свой городок. Эта игрушка меня реально заинтересовала. Не скажу, что прямо засосала. У меня вообще иммунитет против всяких «вредных привычек», маний и фобий. Но виртуальный город строить хотелось. По ходу дела решил еще прошвырнуться по соцсетям. Начал вспоминать пароли. Один даже вспомнил. Одно письмо и пара человек в гости заходили. Одна девочка-дамочка, кстати, очень ничего. Кто

такая? Во... Людка Громакова, одноклассница. Симпатичнее прежнего стала. А чего хочет? Привет, как дела, где ты сейчас. Ладно, будет время, отвечу. Я вышел с сайта и зашел в игрушку. Но тут зазвонил домашний. Маман.

– Картошку купил?

– Так точно.

– Что делать собираешься.

Еще чего, буду сейчас отчитываться, как же... Лучше тебе сменим

– Мам, дед звонил. Просил тебя позвонить, – такая вот полуправда.

– Вчера вечером только разговаривали. Ладно, перезвоню.

– Ага. Ну, пока. Пойду поем.

Поел я, правда, часа через два, до этого сидел и строил город. Потом лег спать, предварительно выключив телефон. Что-то он раззвонился в последнее время.

Когда я проснулся, за окном было еще темнее. Наступил вечер. Я включил телефон. Пропущенных не было, но часы показывали начало седьмого. Пора собираться на свидание. Черт, с пробуждением пришло и какое-то волнение. Я бегал по комнате и суетился, что надеть. В итоге оказался опять же в джинсах и свитере. Причем перебрав несколько, выбрал тот же, который одевал утром. Из шкафчика достал несколько флакончиков туалетной воды, понюхал каждый. Мне их почему-то частенько на разные праздники да-

рила маман. А я всегда злился – совершенно дурацкий и бесполезный подарок. Но сейчас пригодится. После некоторых раздумий я выбрал самый приятный аромат и вылил полпупырька себе на волосы.

В это время звякнул замок. Пришла маман.

– Борис!

– Здесь я, – одетый, я вышел из комнаты.

– Ты куда собрался?

– На свидание, – ответил я чистую правду.

– Ну-ну, – она хмыкнула, – Сумку на кухню отнеси.

Я взял сумку, вернее, большой пакет, отнес, вернулся.

– Борис, что-то дед себя неважно чувствует.

– Да, он говорил, что делать – возраст.

– Возраст, – согласилась она.

– У него ж там есть, кому за него смотреть.

– Есть. Но мы – самые близкие.

– Ну, да, – согласился я.

– Съезди к нему. Хорошо?

– Не вопрос. Как только смогу.

– Ладно, иди. Деньги-то у тебя есть? – неожиданно добавила она.

Деньги у меня были, причем надежно распределенные между бумажником и внутренним карманом. И даже шальную мысль попросить еще я в себе убил.

– Есть. Спасибо.

– Ладно, иди. Возвращайся не поздно.

– Я позвоню, если что.

– Обязательно. Чтоб я по больницам и милициям не звонила.

– Пока.

До дома с часами идти недалеко. Погода была чудесная. Легкий морозец и легкий снежок. Можно было дышать полной грудью. Я шел не спеша, но все равно пришел на место встречи, когда стрелки на часах показывали без десяти семь.

Ольга появилась минут через десять. Такая свеженькая, под стать погоде. В белой шапочке и белой курточке.

Я увидел ее еще за десяток метров.

– Привет, Снегурочка!

– Привет! А ты что не в белом? Видишь, все вокруг какое? – она сделала рукой плавный жест.

– Так, чтоб не потеряли меня на снегу, – отшутился я.

Странно, я даже совсем не волновался и не терял дар речи. Обычно с девушками я более или менее нормально общаюсь, только когда выпью.

– Тогда пошли.

Она взяла меня под руку.

– Куда?

– Как куда? Гулять? Ты же видишь, какая погода?

– Я думал, может в кафе захочешь посидеть там...

– Какое кафе-е-е, – протянула она, – Первый снег, можно сказать. Гулять!

И мы пошли гулять. Честно говоря, так было даже лучше.

Она много и оживленно говорила, а я искоса поглядывал на нее. Роста чуть выше среднего. Фигурка? Вроде стройная. Нос прямой. А в зеленых глазах искорки какие-то. Она изредка поглядывала на меня, дожидаясь моей реакции на какие-то слова. А я, в основном, поддакивал. Иногда она задавала какие-то вопросы, и я пытался отвечать честно, но все равно о чем-то говорить не хотелось, и я начинал вилить. Но она как будто этого и не замечала.

Я узнал про нее достаточно много. Она учится на третьем курсе университета, изучает языки, но больше любит психологию, а еще гулять по живописным окрестностям, ездить за город, кататься на лыжах, играть в теннис. Живет, оказывается, совсем недалеко от меня с родителями. Есть у нее еще и старший брат, но он не очень давно женился и теперь устраивает «семейный очаг» отдельно.

– Оль, а тебе сколько лет? – спросил я невпопад.

– Женщинам такие вопросы не задают, – засмеялась она, – Двадцать. А тебе?

– Тридцать три, кажется, – задумался я.

– А что так неуверенно?

– Так много уже. А зачем я тебе, такой старый? – поинтересовался я и подумал, что сморозил глупость.

Но она, кажется, не обратила внимания.

– Ты меня заинтересовал. Мне кажется в тебе скрытый потенциал есть.

– Хочешь развить?

– Не знаю, – засмеялась она, – Мне кажется я не то сказала. Ты вот чем занимаешься?

– Строю.

– Что?

– Да, все. Дома, дачи, коровники. Что скажут.

– А себя?

– Что себя?

– Строишь, возводишь, конструируешь?

– Себя, скорее, нет, – я засмеялся.

– Ну вот. А надо построить себя, посадить в душе дерево. А ребенка... вот ребенка – это уже традиционно, – улыбнулась она. – А живешь с кем?

– С мамой.

– Почему-то я так и подумала.

– Ты, не думай. Я даже женат был.

– О-о-о... Тема. Но об этом потом поговорим.

– Как скажешь.

– Скажу, – она засмеялась и сразу переменяла тему: – А у тебя лыжи есть?

– Нет. А как же мы кататься поедем?

– Слушай, – в кои-то веки и я отыскал в своей жизни что-то полезное, – У меня есть дед, он живет на даче и там у него точно есть лыжи.

– Вот, стоит только подумать! – Ольга подняла вверх указательный палец. – Заметано.

Мы начали замерзать и все-таки забежали в кафешку по-

пить кофе. Там у меня, как обычно, зазвонил старый друг-телефон. Отец.

– Борис, привет. Ты что пропал?

– Привет, да вроде здесь я.

– Ты что пропал? – повторил он с каким-то раздражением даже, – Надо, чтоб ты ко мне заехал. По документам.

– Да-да, хорошо. Я занят немного. Я перезвоню.

– Когда?

– Завтра.

– Только обязательно. Хватит уже шутки шутить. Жду. До завтра.

– Отец, – пояснил я Ольге, выключив телефон.

– Ага, – кивнула она, – У тебя большая семья.

– Совсем нет, – усмехнулся я, – По-моему, я один всегда.

– Да? – она вскинула брови, – И сейчас?

– Нет, сейчас я с тобой.

– Вот теперь я вижу, что не зря с тобой встретилась, – она засмеялась. – Поняла окончательно.

– А что – были сомнения? – я почувствовал холодок под свитером.

– Были. Но они в прошлом, – она улыбнулась. – Пошли, проводишь меня, а то мне завтра к первой паре, к восьми.

– Да-а-а-а..., разочарованно протянул я.

– Да-да, я еще зубрилка, и мне надо еще немного позубрить на завтра.

– Время-то детское, – я взглянул на часы, и понял, что

и детское время тоже проходит незаметно – было уже около десяти.

– С ребенком же связался, дяденька, – она опять засмеялась, – Шучу я, а то смотрю у тебя лицо меняется. Длиннет... Пошли.

Мы расплатились и вышли из кафешки. Снег стал поменьше, но ощущение зимней сказки не пропадало. Под ногами чуть поскрипывало, скребки дворников не успели убрать белоснежное покрывало, и мы торили следы до Ольгиного дома. Он стоял почти на центральном проспекте, только не на самой улице, а во дворе, между домами. Обычная пятиэтажка, подсвеченная огнями окон и единственным тусклым уличным фонарем.

– Ну, давай, прощаться, – сказала она.

– Так сразу? А кофе попить? Чай? Договорить о следующей встрече?

– Отвечаю по пунктам. Чая с кофеом пока не будет. На кухне папа с мамой и мы пока их тревожить не будем. Следующая встреча будет, если ты не против... А ты не против, кстати?

– Нет. Конечно.

– Телефон у тебя мой уже есть. Твой у меня тоже. Хотелось бы в ближайшие выходные на лыжах покататься. Как ты?

– Я за любой кипеш...

– Это чудно. Заедешь вот только к деду за лыжами, – она

улыбнулась.

– Можем вместе заехать.

– Да-а-а-а, а удобно ли? А, кстати, дед, кто у тебя?

– Профессор.

– Это интересно. Тогда я уж и ничего не исключаю, – она засмеялась, – Ладушки, до встречи. Давай, в щечку поцелую, чтоб не забывал.

– Только в щечку?

– Не спорь, – она чуть привстала на цыпочки, и я почувствовал на щеках ее губы.

– Пока.

– Пока.

И Ольга упорхнула в подъезд. Только замочек домофона противно клацнул.

Мне стало грустно, но даже пострадать мне долго не дали. Опять зазвонил телефон. Я взглянул на экран. Сашка Крупский.

– Привет. Что это ты на ночь глядя?

– На ночь? – удивился Сашка, – Время-то детское.

– Да? Не знаю, по мне так не очень.

– А ты не рад, что ли? Или спать лег.

– Нет, гуляю.

Теперь удивился уже Сашка: – Ну-ну, романтик ты у нас.

– А чего звонишь?

– Блин, как-то ты другу не очень рад. У тебя все нормально?

– Ну, да.

Я присел на скамейку возле подъезда. Она была холодной и заснеженной, и я чуть сполз вниз, чтобы сидеть на краю куртки.

– Скажи тогда, почему ты девушке Ладе вестей не подаешь? Она-то не в расстройстве, но, скажем так, слегка удивлена. А я вот в расстройстве. Тебе, дурачку, шанс дали, а ты мимо проходишь.

– Ты о каком шансе.

– Боб, не придуривайся. Такая девушка может единственный раз в жизни на тебя взглянула.

– Не знаю, жизнь длинная.

– Да? Тогда объясни, сколько еще ждать думаешь.

Я встал. Холодно сидеть было даже через куртку.

– Слушай, Крупа, я замерз.

– Ты что, правда, что ли гуляешь?

– Ну, да. Погода хорошая. Но телефон к уху примерзает. Я перезвоню обязательно.

– Мне? Или Ладе?

– Тебе сперва. Потом ей, наверно.

– Смотри, как бы поздно не было.

– Ладно, не пугай.

– Предупреждаю. Я ж за тебя в ответе.

– Ладно, маленький принц, я постараюсь.

– Ну, гляди, я от тебя не отстану. И не вырубай телефон, а то знаю я тебя.

– Не буду.

Я отключился и задумчиво повертел телефон в руке. Но подумать мне опять не дали.

– Слышь, мужик, дай позвонить.

Передо мной стояли трое из ларца, практически одинаковые с лица. Впрочем, лиц я не видел. Они были в черных куртках и темных капюшонах. Близнецы, мать их...

– Сел телефон, разрядился.

– Точно?

– Ага.

– А курить есть?

– Не курю.

– А что есть?

– Для вас ничего.

– Дерзкий, – удивился стоящий ближе всего ко мне и выбросил вперед руку.

К чему-то подобному я был готов и потому резко убрал голову назад. Кулак лишь вскользь задел губу, но этого было достаточно, чтобы рассечь ее. Неприятный солоноватый вкус сразу дал знать. В ответ я резко бросил свой кулак навстречу и попал удачнее. Оппонент с коротким «бляяя...» завалился на снег. Второй среагировал быстро и попытался ударить сбоку, я пригнулся и удар пришелся по затылку. Следующим движением я схватил его за рукав, и мы завалились вместе. Третий сразу попытался ударить меня ногой, но я, вцепившись во врага, извивался по земле. Удары

не приносили мне сильного вреда.

В этот момент дверь распахнулась, и громкий звонкий голос закричал:

– Полиция!!!! Вызвала уже!!!! Едут!!!

Гоблины бросились прочь. Моего соперника из партера я попытался задержать, но он рванул так, что треснул рукав и тоже через мгновение исчез во дворах.

Я медленно встал. Передо мной в тапочках и спортивном костюме стояла Ольга.

– Цел? – она подошла ко мне вплотную.

– Вроде, – я увидел отлетевший чуть в сторону мобильник, на треть ушедший в снег и поднял его.

– Смотри на меня. Так, – она подвела итог осмотру, – Ну губа-то у тебя точно разбита. А что еще – поглядим. Пошли.

– Куда?

– Ко мне. Оказывать первую медицинскую помощь.

– А родители?

– Мы им мешать не будем. Не могу же я бросить раненого.

– Ну, вроде я урон больший врагу нанес.

– Не хорохорься. Они убежали, и, надеюсь, далеко, а ты – мой пациент.

– Пошли, – я улыбнулся и почувствовал, что губа и, правда, ноет.

Мы поднялись на второй этаж и тихо зашли в квартиру. Вдалеке приглушенно говорил телевизор.

– Тссс... – сказала Ольга, – Они хоть под телик засыпают,

но еще не спят. В полудреме.

Я снял куртку и шапку, и мы прошли в ванну. Ольга не обнаружила у меня серьезных повреждений, кроме губы, которую смазала какой-то противной и липкой мазью, и шишки на голове.

– Солдат к службе готов, – засмеялась она, – Хотя целоваться будет затруднительно, да и с головой теперь непонятно что будет. Ничего, до дома доберешься.

Мы вышли в прихожую, я прислонился к стенке.

– Тебе что плохо? – заволновалась она, – Что? Голова кружится?

– Не знаю, но стакан чая не помешает.

– Ох, что с тобой делать, иди в комнату. Будет тебе чай, – Ольга приоткрыла дверь комнаты, – Прячься здесь.

Я нырнул в комнату. Ольга зашла через пару минут, неся на блюдечке чашку дымящегося чая. Я сидел на диванчике в полутьме, постепенно глаза стали привыкать и я стал видеть силуэты какого-то шкафчика, стола, полка.

– Что свет не включаешь? Хотя правильно, конспирация, – Ольга слегка хихикнула, – Смотри, я тебе столик подвигаю, здесь чай.

– Ага, – я взял чашку и глотнул, и сразу поперхнулся. Чай обжег язык. Не люблю горячего. Да и рассеченная губа дала о себе знать, – Секунду. Посижу, пусть остынет. Иди ко мне.

– Иду, – Ольга села рядом и я с какой-то обреченностью начал целовать ее. Губа болела, но другие чувства заглушали

эту боль. Она сначала молча уклонялась, а потом начала отвечать и я, проигнорировав молнию, стал через голову стягивать с нее куртку от спортивного костюма. А потом... ну, как в фильмах, начали целоваться, а потом и все остальное случилось. Так произошло и у нас. А я сначала боялся, что ничего не случится, потом что не получится у меня, но все произошло, и я изнеможенно упал на диван. Потом попытался поцеловать ее, но Ольга выскочила и убежала, судя по всему, в ванную. Вернулась через пару минут.

– Иди, – сказала она, не смотря на меня.

– Да? А чай?

– А что, без чая никак? Потом попьешь.

– А поговорить?

– Слушай, иди уж. Обязательно поговорим, не сейчас.

– Ладно.

Я встал, оделся и вышел в прихожую.

– Пока, – сказала она, все так же, не глядя на меня. – Можешь поцеловать. Сюда, – Ольга ткнула пальцем себе в щеку. Я также ткнулся туда губами и выбежал из квартиры.

На улице было холодно и неудобно, снег прекратился. Начала болеть голова, и мозги никак не могли собраться в кучку. В такой прострации я и добрал до дома. В голове была пустота, и головная боль занимала маленьким комочком небольшую ее часть. Где-то слева и сверху.

Маман окликнула меня из глубины квартиры. Сама, к счастью, не появилась.

– Да, да, это я. И не поздно, – откликнулся я.

– Не поздно? Еще бы минут двадцать и я бы начала серьезно волноваться.

Ага, и звонить по больницам и моргам.

– Нет повода, – сказал я и скрылся в ванной. Из зеркала на меня смотрело лицо с синяками под глазами и со страдальческой складкой возле рта. Зато рассечение на губе было почти не заметно. В любом случае, лицо не было похоже на лицо счастливого человека. Что ж, спишем это на усталость. А я и, правда, вымотался. Прогулка по морозцу, потасовка с гоблинами, секс с прекрасной молодой девушкой – не много ли приключений для немолодого тридцатитрехлетнего человека?

Я вышел из ванной, быстро нырнул к себе в комнату, разделся и нырнул в кровать. Заснул я практически мгновенно.

Глава пятая

Утро пришло тяжело. Из-за штор не пробивалось ничего похожего на свет. Вернее, свет-то уже за окном был, рассветло, но день обещал быть пасмурным. Впрочем, зима. Чего уж хорошего ждать. Маман уже ушла, я понял это по тишине, стоявшей в квартире. Я с трудом выбрался из-под теплого одеяла и пошел приводить себя в порядок. В ванной осмотрелся. Ну, ничего так. Лучше, чем вчера. Разбитая губа почти не беспокоила. Под волосами прощупывалась шишка. Но если не трогать – не болит.

Я пошел на кухню. На столе лежала записка: «Съезди к де-ду. Пакет на столе». Ясно, очередной визит Красной шапочки. Я вздохнул, поел и стал собираться. Что ж, продышусь. Денег маман мне не оставила. Пока они у меня были, но если дело пойдет так дальше, то к Новому году я конкретно буду на мели. Надо у деда позаимствовать.

Пакет я с трудом, но пристроил в рюкзак, забросил рюкзак на спину и сразу стал похож на одногорбого верблюда. Ну и хрен с ним, женщины меня и так любят, ухмыльнулся я.

На улице было совсем пасмурно. Снег даже немножко осел и не выглядел таким свежим и романтичным, как накануне. Ну что ж, обойдемся без романтики.

Дед тоже не выглядел свежим и бодрым, как-то осунулся. Но пытался шутить:

– Явление Христа народу...

– Что-то, ты, дед, богохульствуешь.

– Да, брось ты, – он махнул рукой, – так, языком чешу.

И вообще ты что забыл, что я вырос в советскую эпоху, по-сему атеист. Но ты знаешь, в последнее время все чаще задумываюсь о том, что возможно что-то там и есть, – дед показал указательным пальцем вверх.

– Ну да, – сказал я для поддержания разговора, – может, что и есть.

– А ты сам-то что думаешь?

– Да, вот так и думаю, как сказал.

– А ты знаешь, что крестили тебя. Тайком. Бабушка твоя.

Мне потом сказала. Я поругался, но не сильно. А потом рукой махнул, значения не предал.

Вот так номер. А я-то думал, что я нехристь. Но вообще даже не задумывался об этом. В церковь дома никто не ходил. По крайней мере, явно. Ну и я жил себе без этого.

– А мне почему не сказали?

– Потом? Не знаю, наверное, потому что значения не предавали. Как и я. Но сейчас подумал, что надо сказать.

Наш разговор прервала Людмила, пришедшая из сельского магазина. Вообще-то снедь она или кто еще возили из города, а здесь, если что докупали – хлеб, соль, молоко...

Она была приветлива, но глаза смотрели как-то тревожно. Мы сели за стол, традиционная наливка тоже присутствовала, но дед только пригубил. Я удивленно вскинул брови,

но дед лишь рукой махнул. Опрокинув рюмочку, почувствовал, что в груди сразу потеплело.

– Дед, – вспомнил я, – А можно я с девушкой к тебе приеду. На лыжах покататься. Здесь же есть где-то лыжи?

– Есть вроде. На чердаке, я-то давненько на них не вставал. Года три. Но меня другое больше удивляет, – дед хмыкнул.

– Что?

– Ты и девушка. А то ведь среди вас, нынешних, всякие есть, нетрадиционные.

– Обижает, дед.

– Да, ладно, шучу, – дед довольно рассмеялся, – а когда приедешь?

– В выходные, наверно.

– Ну, у тебя вечный выходной. У меня, впрочем, тоже. Дай хоть знать, когда соберешься.

– Обязательно.

Я уже вышел за порог, затягивая молнию под горло и поправляя лямки похудевшего рюкзака, когда из тени прихожей показалась Людмила

– Боря, секундочку, – сказала она

– Да, – я обернулся.

– Ты почаще появляйся. Что-то Виктор Борисович мне в последнее время как-то не нравится.

– Болеет, что ли? Так, возраст.

– Да, не то, чтобы болеет. Он вообще не жалуется. Но ка-

кой-то грустный что ли. Вот про юбилей перестал говорить. Дня три уже.

– Да, и мне не сказал.

– Вот, видишь, – она вздохнула.

– Ага, ладно, я ж пообещал. До свидания, – я спрыгнул со ступенек.

– До свидания, – негромко донеслось мне вслед.

В электричке было темно и скучно. Никаких происшествий. А я к ним в последнее время почти привык. Я сидел и размышлял. О своей жизни. Вообще. О том, что, наверно, живу неправильно. О будущем не задумываюсь. В церковь не хожу, хоть выясняется, что крещеный. А с другой стороны жизнь дается человеку только один раз и каждый выбирает, как ему жить, ищет самое комфортное для себя местонахождение и времяпрепровождение. Для меня оно такое, как сейчас. И стоит ли идти против своей природы?

Телефон зазвонил, когда электричка почти доехала до вокзала. Ну да, как же без него? В последнее время он стал звонить настолько часто, что у меня уже стали появляться мысли, как бы от него избавиться. Хотя совсем без социума нельзя. Умом-то я это понимал. Тем более, что социум этот подкидывал мне в последнее время и приятные моменты. Но не в этот раз...

Звонил отец. Голос был совсем тихий:

– Привет, Борис.

– Привет.

– Я в больнице. Ты не мог бы меня навестить.

– А что случилось?

– Мотор шалит.

– Да, конечно. А когда приехать?

– Чем быстрее, тем лучше.

– Хорошо, я сейчас подъеду. В какую больницу.

– Третья городская. Знаешь, где это?

– Вроде.

– Второй корпус, третий этаж, кардиология. Там спросишь.

– Ага, уже еду.

Тем временем электричка подкатила к перрону. Я вышел из вагона, размышляя, как мне лучше добраться до больницы. Не ближний свет. Впрочем, автобус от вокзала шел туда, кажется, без пересадки. Но для начала я решил позвонить маман. Время было еще не очень позднее, но уже стемнело. Не дай Бог, начнутся опять поиски. Да и о том, что отец в больнице, сообщу ей на всякий случай.

– Мам, привет!

– Да, привет, я еще на работе, – сообщила мне она, – но скоро собираюсь домой.

– Я от деда приехал, но сейчас поеду к отцу, он в больнице.

– Да? А что случилось?

– С сердцем вроде что-то. Но он ничего, сам звонил.

– Ну, это еще ничего не значит. А в какой?

– В третьей.

– Хорошо, я узнаю. А ты спроси, ничего ему не надо там.

– Угу. Оттуда домой, – доложил я и нажал на отбой.

Развалющая колымага нещадно тряслась, но добралась весьма быстро. Построенная в начале хрущевских времен, больница когда-то находилась на самом краю города, но сейчас за ней высились новые дома, а больничный комплекс, утопающий в деревьях, как бы отделял частный сектор от нового района. Летом здесь, наверно, довольно красиво, подумал я, но сейчас ветки на ветру отбрасывали в свете фонарей корявые шевелящиеся тени на снегу и смотрелись жутковато.

И корпус, и отделение я нашел довольно быстро. Отец, как мне сказали, лежачий, поэтому в гардеробе я получил халат и бахилы и отправился в палату. В ней стоял специфический больничный запах. Стояли четыре кровати, на одной из них, справа от входа, лежал отец. Мне показалось, еще более осунувшийся и похудевший.

– Привет. Извини, что ничего не принес. Апельсинов там или чего еще положено. Я от деда, с электрички сразу.

– А-а-а... – отец вяло махнул рукой, – Не надо ничего. Хорошо, что быстро приехал.

– А ты почему лежачий?

– Врачи говорят, что полежать лучше пока. Присаживайся.

Я сел на единственный стул.

– Слушай, Боря, поедешь ко мне домой и в серванте в правом ящике возьмешь документы, по деду. Ты понял, о чем я?

– Да, помню.

– Так вот, почитай внимательно. Там все написано. Разберешься. Скорее всего, надо будет в Москву съездить. Но все окупится. Многократно. Понял меня?

– Ну, да, – произнес я без особого энтузиазма.

– Вот ключи, – он достал небольшую связку из тумбочки и протянул мне.

– Хорошо.

– Время еще есть, но ты не тяни особо. Я хочу удостовериться, что ты все сделаешь.

– Угу. С тобой-то что?

– Я же сказал – мотор шалит. Прорвемся.

– Ладно. Мать спрашивала, как ты, не нужно ли чего.

– Хорошо, я ей позвоню. Спасибо, что пришел. У тебя все нормально.

– Нормалек, да.

– Так и не работаешь?

– Так, сезонно же. Ты же знаешь.

– Знаю. Ладно, иди. Документы возьмешь, согласишься и позвонишь. Да и вообще не пропадай, а то знаю я тебя.

Отец слабо улыбнулся, похлопал меня по руке и прикрыл глаза.

– Лекарства какие-то дают, спать хочется, – сказал он, не поднимая век.

– Ну, я пошел.

– Счастливо. Удачи тебе.

Обратная дорога заняла времени побольше. Пока дождался автобуса, да и шел он медленнее, собирая народ на всех остановках. Рабочий день закончился, и люд стремился домой, поэтому на улицах периодически возникали заторы. Я уже немного утомился от многочисленных путешествий и потому, увидев родную дворовую калитку, ускорил шаг.

Наш дом находится почти в центре и когда-то считался элитным. Сейчас это в прошлом, публика здесь живет самая разнообразная. Есть люди, не бедные, купившие квартиры, предпочитающие жить не в загородных коттеджах, а вот в таком домике, на центральной улице. Несколько лет назад на дворовой калитке установили замок, однако части жильцов это не понравилось. Они периодически забывали код, долбали по железным прутьям, будя жителей ближнего подъезда. В итоге замок привели в негодность, и теперь вход во двор был открыт всем и каждому. Вот и сейчас в стороне от фонарей и подъездов, у чахлой детской площадке тусовалась пара мужиков. Я заметил их боковым зрением, но внезапно фигуры оказались прямо возле меня.

– Борис? – спросил один из них, нависая надо мной.

– Да, а вы кто?

– Сейчас узнаешь, – зловеще ответила фигура.

Внутри у меня все напряглось и не зря. Высокий (повыше меня) парень резко отвел руку назад и направил ее прямо

в мой подбородок. Но моя реакция меня не подвела и в этот раз. Я отшатнулся назад и кулак лишь слегка коснулся лица. Но я поскользнулся и упал назад на мягкий снег, громко закричав при этом:

– Суки! Что вам надо?

Фигуры нависли надо мной и в ту же секунду, отскочили в стороны с громкими криками, схватившись за лица.

– Быстро разбежались! У меня еще травмат есть, – услышал я чей-то голос, и увидел третью фигуру, появившуюся сзади нападавших.

Парни, матерясь, отступали со двора. А надо мной с пистолетом в руках стоял Славик Гонцов.

– Ты не уехал еще? – спросил я.

– Еще нет. Ты в порядке?

– Да вроде, – я поднялся на ноги, отряхивая снег с одежды, – Оружие из Америки привез?

– Нет, здесь купил. Для самообороны. Видишь, пригодился.

– Вижу. Газовый?

– Газовый.

– А травмат?

– Травмата нет. Это понты дешевые, – Славик засмеялся, – Видишь, они тоже не мешают в России.

– Вижу. Спасибо.

– Не за что. За что они на тебя налетели?

– Не знаю, я их вообще первый раз вижу.

– Да, нравы жестокие у вас.

– Уже «у вас»? – я засмеялся.

– У вас, у нас, – какая разница.

Что-то разговаривать со Славиком, да и вообще с кем бы то ни было, в этот момент мне не хотелось. Но и уходить от своего спасителя было как-то неудобно.

– И как там, в Америке живетесь?

– Сложно сказать, всем по-разному. Но если работаешь, то достойно. Хотя чего-то не хватает, даже, несмотря на то, что привыкаешь. Человек – такая скотина, ко всему привыкает. Я знаешь, как Америку называю – концлагерь с усиленным питанием. Все по закону, все регламентировано. В трех словах не объяснишь. Ты в Америке не был?

– Нет, – усмехнулся я, не поясняя, что и в Европе-то был не очень.

А вместо этого сказал:

– А у меня дед в Канаде умер.

– Да? Мои соболезнования.

– Ну, ему за девяносто было. И вообще я его не знал.

– Жаль, мог бы в гости ездить.

– Над Канадой небо синее, так похоже на Россию, только это не Россия, – вспомнил я слышанные где-то строки.

– Ага. Борь, я сейчас идти должен, но ты б зашел, я еще пару дней здесь пробуду, потом в Москву. Квартиру-то помнишь?

– Помню, – сказал я, – постараюсь по возможности. Спа-

сибо тебе еще раз.

Мы пожали руки, и я поплелся домой.

Маман сидела на кухне с выражением вселенской скорби на лице.

– Что с отцом? – спросила она вместо приветствия.

– Сердце, как я понимаю.

– И ты так спокойно об этом говоришь!? Ты понимаешь, что это может быть очень серьезно?

– Конечно. Но отец сказал, что волноваться не стоит, – ответил я, хотя точно не был уверен в том, что он говорил именно так.

– Ладно. Я позвоню завтра тете Жанне, она в третьей больнице как раз работает, расспрошу. А как дед?

– Да, нормально. Сказал, что скучает. Хочет, чтоб ты приехала, – опять сказал я полуправду.

– Ладно, – маман благосклонно отпустила меня, давая понять, что разговор на тему здоровья родственников завершен, – Ужинать будешь?

– Конечно.

Я благополучно поужинал и скрылся в своей комнате. Лег в темноте на диван и стал размышлять. На этот раз на тему: кто и почему напал на меня во дворе? Вроде никому дорогу не переходил. Да и живу тихо, никого не трогаю, «примус починяю». Заснул я, не снимая одежды, так и не приблизившись к разгадке ни на шаг. Проснулся среди ночи, разделся и заснул опять. Все таки крепкие у меня нервы, черт побери!

Глава шестая

Встал я поздно, но меня это нисколько не расстроило. За окном был тот же серый двор, слегка побеленный снежным покровом. Все равно, зима совсем не радовала. Идти я никуда не хотел, тем более, прикинув, что средств у меня не так уж много. У деда денег не взял, к маман обращусь лишь в самом крайнем случае, значит будем экономить. Тем более, не за горами тяжелое испытание под названием «новогодние праздники» и по опыту знаю, что средства они высасывают в любом случае. Телефон молчал целый день, и я успел здорово продвинуться в строительстве виртуального города, дойдя почти до восемнадцатого века. Потом почитал очередной детективчик, потом опять вернулся к ноутбуку. Включил телик, пощелкал каналами. Но нет – бесконечные сериалы вкупе с устрашающими новостями – для меня это слишком. Я опять вернулся к ноуту. Неожиданно вспомнил пароль от своих соцсетей. Просто всплыл в мозгу. Ого, кто-то даже написал. Это была Людка Рудакова, одноклассница. Кажется, она где-то на Севере обитает. И что пишет?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.